

С Т Е Н О Г Р А М М А

парламентских слушаний на тему "Совершенствование законодательства Российской Федерации, регулирующего судебную-экспертную деятельность"

23 мая 2019 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Добрый день, уважаемые участники парламентских слушаний! Мы вас благодарим за активность и интерес к этой теме. И хотела бы проинформировать по некоторым моментам, связанным с организацией самих парламентских слушаний.

Парламентские слушания проводятся по инициативе трех комитетов Совета Федерации – основного комитета, или ответственного, – Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, который возглавляет Андрей Александрович Клишас, а также Комитета по обороне и безопасности и Комитета по социальной политике. Идея о проведении таких парламентских слушаний была высказана еще три года назад в связи с запросами, обращениями, связанными с законодательством, регулирующим сферу экспертной деятельности, но проведение удалось спланировать именно в этом году.

На сегодняшние парламентские слушания мы постарались пригласить представителей всех заинтересованных министерств, ведомств, тех, кто работает и обращается к услугам экспертов, в том числе и из негосударственных экспертных учреждений. Мы направляли запросы во все субъекты Российской Федерации, и сегодня у нас принимают участие 64 человека из 21 субъекта

Российской Федерации, представляющие практически все основные государственные учреждения или институты, деятельность которых не может обходиться (или осуществляться) без проведения судебной экспертизы.

Вы видели программу: в рамках сегодняшних парламентских слушаний запланирован прежде всего доклад представителя Министерства юстиции, поскольку Министерство юстиции подготовило и внесло (конечно, от имени правительства) долгожданный законопроект о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Он достаточно долго анализируется, "живет" в Государственной Думе, и я надеюсь, что это все-таки пойдет на пользу самому законопроекту и его содержанию. Мы надеемся, что в этом году он будет принят и в Российской Федерации появится действительно современный закон, который охватит фактически все виды судебно-экспертной деятельности, и даже больше, потому что экспертная деятельность за рамками собственно деятельности, связанной с судом или потребностями, которые необходимы для сферы судопроизводства, если вдруг обжалуется соответствующее решение в суд, тоже фактически становится востребованной как судебно-экспертная деятельность.

И, конечно, основной докладчик — представитель Министерства юстиции, как разработчика этого законопроекта и к тому же ответственного за подготовку, обсуждение, анализ предложений и поправок ко второму чтению в Государственной Думе. И мы надеемся, что сегодня у нас будет представление о том, каким будет на выходе законопроект ко второму чтению, какие проблемы в ходе работы над ним возникли, которые создали такой длительный период для его подготовки ко второму чтению.

Правда, понятно уже сейчас, почему эти проблемы возникли. Потому что сфера межведомственная, участвуют разные ведомства в сфере судебно-экспертной деятельности, и могут быть какие-то коллизии, ряд других моментов, разногласий, конкуренция своеобразная, даже в части экспертных заключений, не говоря уже о том, что доказывание в любом процессе – это сердцевина и в очень значительной степени зависит от качества, профессионализма, компетентности экспертов и тех заключений, которые они дают. Поэтому здесь, конечно, ошибиться нельзя. Но я думаю, что все удастся, потому что даже и в первом чтении... Я считаю, что для первого чтения законопроект в том виде, в каком он был внесен, сделан очень качественно. Но, естественно, есть что обсуждать, править, и мы об этом сегодня услышим.

Кроме того, в качестве докладчика сегодня мы пригласили представителя МЧС. Но не знаю, как... А то опять пробки и какие-то проблемы... Подтверждали участие, подавали заявки, но, к сожалению, сейчас неизвестно...

Обращаю внимание, что у нас будут выступать два представителя от Министерства юстиции (с докладом и содокладом). Докладывать будет Новак Денис Васильевич, которого мы ждем, а с содокладом выступит (более кратко) Смирнова Светлана Аркадьевна.

Понятно, что больше времени – именно докладчикам, потому что мы получим представление и, может быть, ответы на ряд вопросов, которые связаны с этим будущим, новым законом. В части выступлений (регламент, обратите внимание, в программе мы написали) – до 10 минут мы предоставляем Сергею Владимировичу Сыромятникову, представителю Министерства внутренних дел Российской Федерации (понятно, это одно из самых объемных, масштабных министерств, в недрах которого большое количество

экспертных учреждений, экспертов, самое большое количество судебных экспертиз, которые именно здесь и производятся), и Ильину Андрею Андреевичу, заместителю начальника Правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Остальные выступления – до семи минут. Продолжительность парламентских слушаний – до 14 часов 30 минут. Надеюсь, что мы в это время уложимся.

И хотела бы поблагодарить тех, кто прислал свои предложения в проект рекомендаций парламентских слушаний из ряда регионов, из ведомств. Мы до конца следующей недели (сразу озвучиваю) устанавливаем срок – до пятницы следующей недели включительно можно присылать предложения в проект рекомендаций. После этого группа, которая готовила эти парламентские слушания... мы соберемся, отработаем вместе согласованный, окончательный вариант рекомендаций, с тем чтобы потом утвердить на заседании комитета и разослать эти рекомендации в Государственную Думу и в другие ведомства. Для нас, Совета Федерации, это очень важно, потому что в случае принятия закона (мы надеемся, что это будет), когда закон придет к нам, у нас будет возможность сверить, что учтено, что нет, и исходя из этого принять решение об одобрении, или, может быть, если где-то не услышат, не учтут, вполне возможен вариант возвращения на согласование. Но я надеюсь, что все-таки все это произойдет в период, когда законопроект рассматривается в Государственной Думе.

Хотела бы обратить внимание на то, что на самом деле закон о государственной судебно-экспертной деятельности очень сильно устарел, отстал во многом. И появление нового закона, который фактически охватит не только деятельность государственных экспертных учреждений, а в целом деятельность всех экспертных

учреждений и экспертов, – это правильный подход. И хорошо, что такой закон будет. Потому что в сфере экспертной деятельности нет какого-то органа, который объединял бы всех, руководил всеми, и быть не может. Эксперты объединяются в рамках процессуальной деятельности и в рамках этого закона. Этот закон дает возможность и гарантирует, что фактически статус экспертов будет един и не будет зависеть от ведомства. Это можно предположить, не зная все законы, а сегодня законов, которые регулируют судебно-экспертную деятельность, очень много. И естественно, что единство статуса, единство требований к заключению, к экспертизе – комиссионной, повторной... Это действительно закон как бы базовый, основной. И, конечно, то, что государственный реестр экспертов будет включать всех экспертов – и судебных, и тех, которые работают в государственных судебно-экспертных учреждениях, и тех, которые работают в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, и иных экспертов, – это тоже такой объединяющий момент, и это тоже очень важно.

Только, единственное (но что-то, может быть, я не усмотрела), я не нашла норм, которые предусматривали бы возможность исключения из реестра, соответственно, отзыва сертификата или лишения сертификата, процедуры такой. Потому что, раз закладываются требования к экспертам, ограничения для экспертов при производстве экспертизы, нарушение такого рода требований, естественно, может влечь ответственность. В том числе таким видом ответственности может быть и исключение из государственного реестра в связи с тем, что отзывается сертификат. И эту процедуру тоже надо обязательно прописать, и вообще разные ситуации, когда эксперты исключаются из государственного реестра, иначе можно попасть в ситуацию, когда человек остается в государственном

реестре, а у него уже нет сертификата, он уже не эксперт. Кто-то воспользуется такой возможностью, не зная, что на самом деле это уже нелегитимно. Но я думаю, что это уже учтено в новой редакции и мы об этом услышим.

Я Вас приветствую, Денис Васильевич. Мы ждали Вас. Я Вам могу предоставить слово, потому что мы организационно уже фактически всё высказали.

Пожалуйста, Вам слово для доклада. И после Вашего выступления будет содоклад Вашей коллеги Светланы Аркадьевны Смирновой.

Д.В. НОВАК

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! В первую очередь хотел бы от имени Министерства юстиции поблагодарить Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству и лично Вас, Елена Борисовна, за столь важную инициативу – подготовку сегодняшних слушаний, которые именно в этот момент очень важны, для того чтобы продвинуться вперед в деле совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и обеспечения объективности в судопроизводстве, что является действительно неотъемлемым условием для обеспечения конституционных гарантий прав граждан, развития судопроизводства в России.

Осуществление уголовного, гражданского и административного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях невозможно без использования достижений естественных, технических, экономических и других наук. Объективное разрешение вопросов, требующих специальных знаний в областях науки, техники, искусства, ремесла, обеспечивает

именно институт судебной экспертизы. Доказательная база, сформированная с учетом результатов производства судебных экспертиз, в большинстве случаев является основной для принятия обоснованных решений как при расследовании, так и при судебном рассмотрении дел. Действительно, нередко для судов ключевыми являются те выводы, которые содержатся в заключениях судебных экспертов, и они их оценивают при разрешении соответствующих дел.

Как справедливо отмечает Светлана Аркадьевна Смирнова, руководитель нашего федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте (она сегодня будет выступать), коренные изменения структуры собственности, производственных и общественных отношений радикально расширили сферу действия экспертизы как инструмента их регулирования. В настоящее время она активно используется не только в судебном процессе, но и для обоснования наиболее ответственных решений в правовом поле производственной, торговой, финансово-кредитной и информационной деятельности.

Развитие судебной экспертизы также неразрывно связано с развитием и совершенствованием институтов гражданского общества. В результате судебной реформы качественно и количественно возрос судейский корпус, создан институт мировых судей, повысилось техническое оснащение судов. Соответственно, существенно повысились требования судов и следователей к срокам и качеству производства экспертиз и экспертных исследований. Это определяется и динамикой того количественного роста судейского корпуса и следственных работников, который имеется, и ускоренным развитием законодательства и юридической науки.

Судебная экспертиза является сформировавшейся синтетической наукой, интегрирующей положения как юридических отраслей знаний, так и иных гуманитарных и естественных наук, теория которой — это основа практической деятельности по обеспечению защиты прав и свобод граждан, интересов государства посредством проведения объективных, научно обоснованных судебных экспертиз.

В 2001 году в Российской Федерации впервые был принят комплексный нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы судебно-экспертной деятельности, — Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации". В свое время это было таким серьезным, прогрессивным шагом. Он нормативно закрепил изменение института судебных экспертиз, фактически сложившегося до его принятия.

Вместе с тем расширение сферы использования судебной экспертизы и высокий уровень запросов участников различных видов судопроизводства как на проведение классических судебных экспертиз и исследований, так и на развитие новых родов, видов экспертиз, объем назначаемых экспертиз недостаточно обеспечены на сегодняшний день правовым регулированием, научно-методической базой, финансированием, техническим оснащением и штатной численностью. Я сейчас постараюсь максимально компактно рассказать обо всех проблемах в этой сфере, без решения которых дальнейшее нормальное развитие судебно-экспертной деятельности представляется затруднительным.

На сегодня законодательство о судебно-экспертной деятельности представлено, как я уже говорил, профильным федеральным законом, а также процессуальными законами,

разрешающими вопросы назначения и производства судебных экспертиз, и ведомственными нормативно-правовыми актами. И, как уже было отмечено, в соответствии с действующим законодательством судебные экспертизы проводятся как государственными судебными экспертами, так и иными лицами, обладающими специальными знаниями, негосударственными судебно-экспертными организациями и частными экспертами.

Государственная судебно-экспертная деятельность в России организована в восьми ведомствах – в Минюсте России, МВД, Минздраве, ФСБ, в Федеральной таможенной службе, в Минобороны, МЧС и в Следственном комитете Российской Федерации. Каждая из указанных государственных судебно-экспертных систем осуществляет свою деятельность в соответствии с установленным профилем.

Что касается системы судебно-экспертных учреждений Минюста, она состоит из 52 учреждений, в числе которых Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте – головное учреждение по научно-методическому обеспечению этой деятельности, девять региональных центров и 42 лаборатории судебной экспертизы в регионах. При этом система экспертных учреждений Минюста – это независимая государственная экспертная структура, не подчиненная ни органам дознания, ни органам следствия, ни судам и свободная от какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, имеющей в качестве основной задачи исключительно организацию и производство судебной экспертизы.

В государственных судебно-экспертных учреждениях согласно положению действующего федерального закона проводится обязательная оценка компетентности экспертов и организован

контроль за сроками и качеством экспертиз. Однако, поскольку все потребности судебной системы в настоящий момент не обеспечиваются государственными судебными экспертами, нередко возникает потребность обращаться и к негосударственным экспертным организациям и частным экспертам. В этом случае следователю или суду предстоит самостоятельно решить вопрос о необходимой, достаточной квалификации лица, выбираемого в качестве эксперта для производства экспертиз, и обеспечить контроль за сроками и качеством экспертиз. Следователи и суды в этом случае не могут опереться на ту базу – нормативную, организационно-правовую, контрольную, которая имеется и урегулирована федеральным законом о государственной судебно-экспертной деятельности.

Специфика производства судебных экспертиз в подавляющем числе случаев требует от специалиста помимо базового специального образования знания и владения современными методиками экспертного исследования, иногда особой специализации, умения работать в составе комиссии экспертов, знания основ материального и процессуального права. Действительно, эта сфера хоть и во многом основана на таких базовых специализированных знаниях в той или иной области науки и техники, тем не менее требует также и особых навыков, которыми характеризуется именно судебно-экспертная деятельность. В таком случае и обеспечиваются более слаженная работа экспертов, более качественные экспертизы и выполнение экспертизы в срок.

Отсутствие законодательно закрепленных критериев оценки компетентности лиц, не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, достоверности используемых ими экспертных методик, их научной обоснованности – это и является

причиной низкого качества проводимых этими лицами экспертиз и, как следствие, судебных ошибок, увеличения количества повторных и дополнительных экспертиз, увеличения сроков судопроизводства в целом. Мы, конечно, не говорим о том, что абсолютно все негосударственные эксперты работают некачественно. На рынке присутствует действительно значительное число организаций, которые пользуются заслуженным доверием со стороны заказчиков в проведении экспертных исследований и своей работой подтвердили высокую квалификацию и качество работ. Но вместе с тем следует признать, что все-таки во многих случаях качество производства судебных экспертиз негосударственными экспертами и экспертными организациями свидетельствует о низком уровне их подготовки, оснащенности оборудованием и, самое главное, о преобладании коммерческого интереса при решении экспертных задач. Это подтверждает и наша ведомственная статистика. Приведу несколько цифр. За 2018 год экспертными учреждениями Минюста было проведено 585 повторных экспертиз после негосударственных экспертов, при этом выводы 454 из них, или 77,6 процента, не совпали с выводами предыдущих заключений.

Мы попадаем в замкнутый круг. С одной стороны, серьезная нагрузка, которая в данном случае ложится на государственные судебные экспертные учреждения, не позволяет удовлетворить всю потребность, и, самое главное, в необходимые сроки, в выполнении судебных экспертиз. Из-за этого суды вынуждены обращаться к негосударственным судебно-экспертным организациям. Но, после того как некачественно проведенная экспертиза вызывает необходимость повторной экспертизы, она назначается уже в государственных судебно-экспертных учреждениях, и это как снежный ком нарастает. Если бы изначально, сразу экспертиза

делалась качественно, это удвоение нагрузки (по сути, 77,6 процента), конечно, не имело бы места. Поэтому сейчас одновременно разнообразные формы и методы государственной судебно-экспертной деятельности установлены правовыми актами различных государственных органов.

К сожалению, есть и разногласия по ряду методических вопросов и границам компетенции экспертов. Дублирование финансовых затрат на аналогичные научно-технические разработки, различия в процессуальном толковании норм судебной экспертизы, несогласованность в реализации, что на сегодняшний момент приобретает особое значение, международных требований и стандартов приводят к ослаблению государственной функции по организационно-методическому руководству деятельности в сфере судебной экспертизы.

Безусловно, именно сейчас, в условиях продолжения правовой реформы, развития судебной системы, необходимо четко сформулировать эти единые принципы работы, которыми руководствовались бы независимо от того, в каком ведомстве эта работа проводится, либо вообще за рамками государственной системы. Все-таки единые требования к методическим основам должны быть установлены.

В целях исправления указанной ситуации еще в 2012 году в рамках поручения Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина об обеспечении объективности при судопроизводстве было поручено внести в законодательство Российской Федерации изменения, устанавливающие профессиональные квалификационные требования к лицам, осуществляющим производство судебной экспертизы, в том числе в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, а также

предусматривающие меры государственного контроля и надзора за деятельностью указанных лиц.

В целях исполнения данного поручения Минюстом был разработан новый проект федерального закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. В результате его принятия планировалось создание механизмов судебно-экспертной деятельности, способствующих сокращению сроков производства судебных экспертиз, обеспечению доступа только профессионалов к деятельности судебных экспертов, контролю качества экспертного производства и методического обеспечения.

Минюст в этот законопроект постарался включить самые современные, инновационные нормы, принятые в качестве базовой основы во всех передовых зарубежных государствах, для обеспечения высокого качества судебно-экспертного производства. В частности, были обозначены механизмы стандартизации и лицензирования судебно-экспертной деятельности, сертификации методических материалов по производству судебной экспертизы, сертификации компетентности судебных экспертов, аккредитации судебно-экспертных лабораторий и многое другое. Законопроект направлен в том числе на создание механизмов, способствующих сокращению сроков производства судебных экспертиз, и обеспечение доступа к профессии судебного эксперта профессионалов, контролю качества экспертного производства и методического обеспечения.

Уже в 2013 году законопроект был внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении. Однако, как мы видим, очень непростая нормотворческая судьба сложилась у этого документа. После того как, казалось бы, законопроект был уже согласован перед внесением в правительство со всеми ведомствами, внесен в Госдуму, на этапе его подготовки ко второму чтению у него появился ряд

противников, не поддерживающих предлагаемые новеллы. Безусловно, не в восторге были и те самые частные экспертные структуры, получающие прибыль в этой области, которые почувствовали угрозу.

Понятно, что предложенные нормы государственного надзора и контроля явно не отвечали наметившемуся тренду в коммерциализации судебной экспертизы. И, кроме того, помимо этой проблемы мы также не всегда встречаем понимание и у других государственных органов, федеральных органов государственной власти. Но тем не менее все это время на площадке ответственного комитета Государственной Думы Федерального Собрания с участием Минюста проводилась работа по подготовке законопроекта ко второму чтению.

В 2016 году комитетом была подготовлена редакция законопроекта, которая была согласована Минюстом, но законопроект не был поддержан. В письме Государственно-правового управления, направленном в августе в адрес комитета, указывалось, что большое количество замечаний имеется со стороны федеральных органов государственной власти.

В 2018 году была проделана работа по учету замечаний этих органов государственной власти и подготовлена новая редакция проекта, которая тем не менее опять вызвала соответствующие замечания. Это привело к тому, что в мае 2018 года вопросы совершенствования судебно-экспертной деятельности были вынесены на оперативное совещание Совета Безопасности Российской Федерации, которое прошло под председательством Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. И по итогам этого совещания был дан ряд принципиальных поручений. В первую очередь Минюсту совместно с другими

заинтересованными органами государственной власти было поручено принять меры по устранению межведомственных разногласий и выработке единой позиции в отношении концептуальных положений данного проекта федерального закона и представить доклад Президенту Российской Федерации. В рамках реализации этого поручения в Минюсте России был подготовлен проект правительственных поправок к проекту федерального закона, и он уже учитывает и замечания, которые высказывались Государственно-правовым управлением президента, замечания со стороны федеральных органов государственной власти. Один виток согласований этот проект прошел, мы получили еще ряд замечаний, и в настоящее время работа близится к завершению. Срок для доклада по поручению Совета Безопасности и поручению президента у нас в настоящее время обозначен – 15 июля 2019 года. Поэтому мы уверены в том, что эту работу завершим, чтобы к осенней сессии уже иметь готовый к принятию во втором чтении законопроект.

Немного упомяну о том, какие изменения претерпел законопроект и что в проекте поправок сейчас у нас имеется по сравнению с редакцией, принятой в первом чтении.

Сохраняется действующая на сегодняшний день аттестационная система для государственных судебных экспертов. Прохождение процедуры сертификации теперь предусмотрено только для негосударственных экспертов. Это было вызвано замечаниями федеральных органов государственной власти, которые полагают, что у них уже работа эта настроена. Конечно, для нас главная цель – обеспечить такого рода сертификацию именно в нерегулируемой, в вообще нерегулируемой сфере, то есть в сфере негосударственных экспертов.

Исключены положения, касающиеся обязательной сертификации методических материалов, но вместо них предлагается модель приоритетного использования сертифицированных методических материалов.

Исключены положения, касающиеся обязательной валидации методических материалов по производству судебной экспертизы, и внесены корректировки в проектируемую нормативную форму, в соответствии с которой в государственный реестр судебных экспертов должны были в обязательном порядке вноситься сведения обо всех государственных судебных экспертах. В частности, высказывались здесь замечания со стороны ФСБ России.

Ну и, наконец, предусматривается, что порядок сертификации компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, в том числе порядок, условия выдачи, отказа в выдаче, приостановления, прекращения действия и лишения сертификата компетентности, и уполномоченные организации по сертификации компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, определяются Правительством Российской Федерации. В законопроекте, принятом в первом чтении, предусматривалось определение правительством федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение такой сертификации компетентности.

Наконец, разительное отличие от первой редакции законопроекта — это то, что за это время изменилась позиция Минздрава России. Если изначально Минздрав России высказывался против урегулирования судебно-медицинской экспертизы общим законом о государственной судебно-экспертной деятельности, новым, то теперь позиция изменилась, и коллеги из Минздрава полагают, что они должны под это общее регулирование тоже подпадать.

Мне кажется, что это как раз, может быть, тот случай, когда нет худа без добра. То есть мы за это время действительно пришли к правильному пониманию того, что должно быть общее регулирование, потому что прежний законопроект предполагал сохранение в силе соответствующих положений действующего федерального закона № 73-ФЗ. Таким образом, у нас получилась бы такая ситуация: Минздрав и судебно-медицинская экспертиза продолжали бы жить по старому закону, остальные – по новому. Здесь мы теперь вышли на то, что это будет регулироваться этим законопроектом, но, естественно, с особенностями, учитывающими специфику судебно-медицинских экспертиз.

Хочу отметить здесь, что проектом поправок не затрагиваются специализированные экспертные подразделения наших уважаемых коллег из других федеральных органов государственной власти. Он сохраняет те системы аттестации и проверки компетентности экспертов, которые исторически существуют в МВД России, Следственном комитете, Федеральной службе безопасности и других ведомствах.

Кроме того, проект поправок исключил ряд положений, которые встретили критику со стороны наших коллег. В частности, были исключены положения о лицензировании судебно-экспертных организаций как юридических лиц. Остается у нас только, соответственно, сертификация компетентности экспертов как самих специалистов, являющихся судебными экспертами.

Сейчас мы выходим, я надеюсь, на финишную прямую. Думаю, что перенос того срока, который установлен (15 июля 2019 года), просто невозможен. Мы так это рассматриваем уже на сегодня.

И хочется поблагодарить большинство тех заинтересованных ведомств, которые участвуют в этой работе, за продуктивную и

конструктивную позицию в отношении законопроекта. В целом имеющиеся замечания этих ведомств, а также очень конструктивные замечания Верховного Суда Российской Федерации носят характер, который действительно улучшает формулировки (они нам были уже высказаны). И мы надеемся на то, что получим действительно качественный документ, который не оставит каких-либо вопросов, которые будут вызывать разногласия.

Безусловно, после завершения этой работы на площадке федеральных органов исполнительной власти судьба законопроекта в дальнейшем будет зависеть от хода его дальнейшего рассмотрения в Федеральном Собрании. И в связи с этим чрезвычайно важным является именно проведение сегодня этих парламентских слушаний не только для коллег из Совета Федерации, но и для коллег из Государственной Думы, где сейчас должна развернуться основная работа по дальнейшему движению законопроекта.

Хочу также отметить, что правильность курса обновления судебной экспертной деятельности, который представлен в законопроекте, подтверждается ежедневно практически на конкретных примерах той ситуацией, которая складывается в мире. Одним из таких примеров стала возможность применения экспертного потенциала системы именно отечественных судебной экспертных учреждений в обеспечении российских интересов в международных судах. Вы видели позитивный пример этого, когда речь шла о рассмотрении дел в Спортивном арбитражном суде в Женеве, где подходы (и качество, и подходы) к методике выполнения работ соответствуют самым высоким общепризнанным мировым стандартам. Именно поэтому заключение, подготовленное российскими экспертными учреждениями, стало основой положительного решения, что позволило снять обвинения с

российских спортсменов (их права были необоснованно нарушены в результате известного допингового скандала), и большинству из них были возвращены заслуженные ими олимпийские медали.

Конечно, помимо нормативно-правой, законотворческой деятельности хотелось бы отметить еще несколько проблем, которые сейчас возникают в деятельности судебно-экспертных учреждений Минюста.

Во-первых, конечно, это ситуация с финансированием деятельности учреждений Минюста. В 2010 году было принято решение об изменении типа государственных судебно-экспертных учреждений Минюста на федеральные бюджетные судебно-экспертные учреждения Минюста, финансовое обеспечение которых осуществляется в виде субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, выделяемых для выполнения государственных заданий бюджетному учреждению.

Предусмотренный федеральным бюджетом объем расходов на обеспечение деятельности судебно-экспертных учреждений Минюста, к сожалению, позволяет обеспечить только фонд оплаты труда, причем без учета стимулирующих выплат и начислений на фонд оплаты труда. При средней заработной плате в России в 2018 году 42,5 тыс. рублей средняя заработная плата государственного судебного эксперта составила 40 тыс. рублей. А заработная плата начинающего государственного судебного эксперта составляет около 15 тыс. рублей в месяц. Это с учетом того, какие высокие требования предъявляются к квалификации именно в государственных судебно-экспертных учреждениях. Конечно, это создает серьезные проблемы в комплектовании судебно-экспертных учреждений Минюста квалифицированными кадрами, при том что период обучения вновь принятых экспертов по некоторым специальностям может составлять

до одного года. То есть, для того чтобы выйти на нормальную работу, необходимо еще целый год потратить на то, чтобы пройти необходимое обучение.

Путем решения, хоть каким-то, этих финансовых трудностей является то, что судебно-экспертные учреждения Минюста вправе сверх установленного государственного задания, а также в случаях, определенных федеральными законами, в пределах, установленных государственным заданием, выполнять работы, оказывать услуги, относящиеся к их основным видам деятельности, предусмотренным учредительными документами, для граждан и юридических лиц за плату, при этом, конечно, на одинаковых при оказании одних и тех же услуг условиях.

Ежегодный доход судебно-экспертных учреждений от этой деятельности составляет в среднем 510 млн рублей. Но из этих дополнительных доходов от такой оплачиваемой деятельности в связи с недостаточным бюджетным финансированием свыше 280 млн рублей расходуется именно на заработную плату судебных экспертов. Кроме того, именно из этих средств нередко финансируются расходы на обновление, модернизацию инфраструктуры, закупку оборудования, необходимого в том числе для выполнения государственных заданий.

При этом, несмотря на недостаточное бюджетное финансирование и компенсацию расходов, связанных с выполнением и, как правило, перевыполнением судебно-экспертными учреждениями государственных заданий, есть проблема и с налоговой нагрузкой на судебно-экспертные учреждения. И при этом они являются стабильным налогоплательщиком — размер уплаченных в бюджет налогов составляет ежегодно свыше 100 млн рублей.

Поэтому мы, конечно, призываем к тому, чтобы незамедлительно решить вопрос об увеличении объемов финансового обеспечения судебно-экспертных учреждений Минюста, чтобы не подвергнуть угрозе темпы развития одной из самых сильных экспертных систем в России, выполняющей в настоящее время более 120 тысяч экспертиз в год по заданиям правоохранительных органов и судов.

Проблемы есть и с кадровым обеспечением деятельности судебно-экспертных учреждений, именно связанные с тем, что условия, которые могут быть предложены в негосударственных судебно-экспертных учреждениях, в общем, чаще всего оказываются более привлекательными. И нередко мы имеем еще и такие негативные примеры – когда, обучившись на базе государственных судебно-экспертных учреждений, эти молодые кадры, в которых сосредоточен потенциал для развития в будущем, уходят из государственных судебно-экспертных учреждений. Но руководителями судебно-экспертных учреждений федерального центра и региональных лабораторий прилагаются усилия, и они изо всех сил стараются сохранить тот кадровый потенциал, который имеется.

Вопрос материально-технического оснащения судебно-экспертных учреждений Минюста решается в рамках федеральной целевой программы "Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы". Там в том числе предусмотрено и оснащение учреждений современной приборной базой, и приобретение зданий для размещения судебно-экспертных учреждений Минюста. Однако фактическая потребность в приобретении таких зданий все-таки превышает число объектов, включенных сейчас в ФЦП. И, конечно, мы сейчас настаиваем на том, чтобы были приняты решения о

продлении срока реализации указанной федеральной целевой программы и ее дополнении теми потребностями, которые сейчас налицо. И, конечно, просим и вас, коллеги, оказать содействие в том, чтобы это предложение было поддержано.

Ну и, конечно, очень серьезным является вопрос, который требует, возможно, законодательного решения, – это вопрос оплаты экспертиз, выполненных судебно-экспертными учреждениями Минюста в рамках гражданского судопроизводства. Дело в том, что действующая редакция норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих вопрос оплаты экспертиз, проводимых по поручению судов общей юрисдикции, не содержит обязательного требования оплаты производства экспертиз, вследствие чего не обеспечено гарантированное возмещение экспертному учреждению понесенных расходов, связанных с их производством. Конечно, это является нонсенсом – что, с одной стороны, вроде как судебно-экспертные учреждения обязательно должны по поручению суда провести экспертизу, но суды не пользуются своим правом предложить перечислить соответствующие необходимые денежные средства в депозит суда, хотя это право у них имеется. Более того, многие суды, особенно в рамках системы арбитражных судов, этим правом пользуются. И там, где этот механизм нормально действует, у нас проблем с очень серьезной задолженностью не возникает.

И еще хочется сказать (я уже упоминал об этом) о налоговой нагрузке. Еще ведь получается так: сам факт оказания услуги по выполнению судебной экспертизы методом начисления сразу облагается налогом, и это сразу взыскивается с судебно-экспертных учреждений. Они еще потом годами не могут реально эти суммы получить. Налоги уже уплачивают, а суммы задолженности им не выплачиваются.

Поэтому здесь есть два пути решения этой проблемы – это либо внесение соответствующих изменений в Гражданский процессуальный кодекс, либо возможное решение этого вопроса на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Но мы уже неоднократно обращались в Верховный Суд с предложением обобщить самые проблемные вопросы судебной практики в сфере в том числе оплаты судебных экспертиз. Пока эта работа, к сожалению, не проведена. Хотя содержались соответствующие рекомендации и в протоколе оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации и так далее.

Ну и, конечно, в завершение хотелось бы все-таки сказать о тех позитивных аспектах, которые мы можем озвучить применительно к судебной-экспертной деятельности. По итогам того же оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации Президентом Российской Федерации было дано поручение организовать Правительственную комиссию по координации судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации. Во исполнение этого поручения Минюстом было подготовлено и правительством принято постановление от 8 декабря 2018 года № 1502 "О Правительственной комиссии по координации судебной-экспертной деятельности в Российской Федерации". Основной целью работы этой комиссии является обеспечение согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и государственных органов в целях формирования единой государственной политики и совершенствования законодательства в сфере судебной-экспертной деятельности. В состав комиссии войдут представители всех заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, в

структуре которых имеются государственные судебно-экспертные учреждения.

В настоящий момент завершается работа по формированию персонального состава комиссии. И, действительно, после того как будет проведено ее первое заседание, впервые в новой российской истории появится единый координационный орган в сфере судебно-экспертной деятельности такого высокого уровня — правительственная комиссия. Мы очень рассчитываем на то, что этот дополнительный инструмент аппаратной работы позволит нам быстрее решать все возникающие вопросы на самом высоком уровне и совместно работать над развитием судебной экспертизы в нашей стране.

Уверен, что данные проблемы, которые я озвучил, хоть и сложные, но все они решаемые. Уверен, что все понимают актуальность этих проблем. Обновленная концепция использования специальных знаний в судопроизводстве и появление действительно обобщающего, общего законодательного акта, который установит единые принципы работы и требования к профессионалам в этой сфере, является необходимым элементом для дальнейшего нормального развития в целом системы правосудия в нашей стране. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Денис Васильевич.

Уважаемые коллеги, если у кого-то будут вопросы, просьба в письменном виде их представить. Хорошо? И мы потом предоставим Денису Васильевичу возможность на них ответить.

Денис Васильевич, мы включили практически все предложения в проект рекомендаций. То, что Вы сейчас озвучили (по обзору судебной практики, изменение в Гражданский

процессуальный кодекс по дебиторской задолженности либо обращение в Верховный Суд по обзору), мы тоже включим. Хорошо?

Д.В. НОВАК

Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Посмотрим потом редакцию, потому что это тоже реально. Верховный Суд ведь планирует обзоры, у них тоже достаточно большой объем работы, но тем не менее мы можем такой запрос инициировать. Хорошо. Спасибо.

Но относительно того, что ряд моментов в законопроекте вы потеряли, – мне жаль.

Д.В. НОВАК

Издержки согласований.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Закон – да, это всегда результат согласований, а не то, что желаешь, собственно.

Смирнова Светлана Аркадьевна, директор федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции, заведующая кафедрой судебно-экспертной деятельности РУДН, заслуженный деятель науки, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор наук, профессор.

Пожалуйста, Вам слово.

С.А. СМИРНОВА

Добрый день, уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! В своем выступлении хочу остановиться на ключевых моментах и реалиях сегодняшнего дня, наших с вами, коллеги, совместных шагах по переводу судебно-экспертной деятельности на новый уровень и созданию таких условий, чтобы организация деятельности как государственных, так и негосударственных экспертов

осуществлялась по одним и тем же правилам, в том числе при отсутствии какой-либо монополии со стороны государственных судебно-экспертных учреждений при производстве судебных экспертиз.

Елена Борисовна в начале сказала о том, что закон наш такой мученый, который много лет лежит в Думе, рассматривают его все ведомства "под увеличительным стеклом". Но, вы знаете, нет ничего плохого. Действительно, как сказал Денис Васильевич, за это время многое произошло. Во-первых, негосударственные эксперты все время находятся в состоянии, что вот-вот этот закон или будет принят, или не будет принят, и при этом стараются совершенствоваться. Это видно очень по тому, как они относятся к сертификации своих специалистов, даже своих организаций. Это видно по тем проектам, которые в Министерстве юстиции, в Российском федеральном центре судебной экспертизы осуществляются в этой связи, — это проведение валидации методических материалов, это стандартизация, аккредитация. То есть мы-то в Минюсте не отказались от этого. Мы соглашаемся с большинством наших коллег, что нужно очень мягко подойти к этим вопросам. Но проводить работу на эту тему — мы проводим.

Всем, кто сегодня собрался на эту встречу, известны типичные ошибки, которые часто встречаются при производстве судебных экспертиз, которые выполняются государственными и негосударственными судебными экспертами. Это выход за пределы компетенции, как правило, в решении вопросов, процессуальные нарушения, профессиональная некомпетентность. И чаще всего именно первопричиной этого является отсутствие базового профессионального образования, а также какого-либо дополнительного профессионального образования. И сейчас, в

настоящее время, последние два-три года все ведомства нашей страны занимаются именно этой проблемой. Вот не занимались до того, как этот вопрос не был поставлен в законе, а сейчас все занимаются совершенствованием, учат у себя экспертов, занимаются не просто экзаменационной работой, которая позволяет переаттестовать квалификацию данного эксперта или не дать этой квалификации. Понимаете, есть в этом плюс. То есть потихоньку мы все равно к этому все приходим. Потому что то, что делается сегодня в сфере негосударственной судебно-экспертной деятельности... Как оценивается там компетентность? Да никак, она не регламентирована и вызывает большую озабоченность. И, когда мы проводим занятия, встречи с правоприменителями, представителями судебной власти, мы слышим одно и то же: "Ну, научите, помогите нам, чтобы это были квалифицированные специалисты. Мы устали назначать повторные и дополнительные экспертизы. Мы думали, что с приходом на рынок большего количества судебных экспертов мы и сроки сократим, и качество повысим. К сожалению, ничего этого не произошло. Все государственные экспертные структуры, наоборот, так сказать, перевыполняют свою нагрузку, которая государством вообще-то определена".

На решение данной проблемы в проекте федерального закона нацелен ряд инновационных механизмов. Они открыты, прозрачны, и, конечно, профессиональной компетенцией нужно заниматься независимо от того, государственный это эксперт либо негосударственный.

Одним из эффективных путей преодоления имеющихся проблем, связанных с качеством экспертиз, оценкой компетентности и сроками, являются единые правила сертификации негосударственных судебных экспертов, ведение государственного

реестра сертифицированных экспертов, также необходимо, чтобы программы высшего профессионального обучения и дополнительного обучения были гармонизированными. Понимаете, постоянно хочется повторять две новации — это обучение и это сертификация и повышение уровня данных экспертов.

У нас, в России, много таких систем добровольной сертификации. В законе осталась именно добровольная сертификация, хотя многие ведомства говорили об обязательной. Но опять подошли мягко, чтобы было единое мнение, чтобы мнения не расходились и из-за этого не гоняли закон туда-сюда.

К сожалению, такие системы... Не все могут отвечать за уровень своей подготовки. В 2005 году в российском федеральном центре была создана такая система. Ее прошли около 2 тысяч негосударственных экспертов, получили сертификаты. Ситуация была такая, что приходилось эти сертификаты отзываться. И в этом мы видим очень грамотное начало именно этой системы. Правильно сказала Елена Борисовна в начале, когда с нами беседовала: а если этот эксперт себя проявит один раз, второй раз, вы что, не сможете решать вопросы? Мы можем решать вопросы, мы отзываем сертификаты и убираем его из реестра. То есть это уже решенный вопрос.

Однако сегодня совершенно точно с выходом этого закона и утверждением других систем сертификации, которых сейчас очень много по всей России, у нас перестанут появляться проблемы, когда делают по перечню специальностей, которые есть в Минюсте, но делают это коммерсанты, и уровень этой компетенции вводит всех в заблуждение, особенно правоприменителей и суды. Если это качество будет налажено и если этот реестр будет действительно прозрачным, будет отвечать тем знаниям, которые эксперт проявил,

то работы у негосударственных экспертов будет еще больше, потому что этим будут заниматься квалифицированные эксперты, а рынок просто очистится от тех, кто пришел сюда совершенно за другими делами.

Кроме того, очень важная инновация в законе касается методического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Не нужно путать методическое обеспечение (это наши методики) и аттестацию методик измерений – это две разные вещи. Поэтому аттестация судебно-экспертных методик действующим законодательством обоснованно не предусмотрена. Перспективным инструментом проверки качества судебно-экспертных методик является не аттестация, а динамичная и объективная оценка пригодности, то есть та валидация, в отношении которой все имели отрицательное мнение, но без нее никуда не деться. Это как раз то, о чем Денис Васильевич в своем выступлении сказал. Когда в высшем Спортивном арбитражном суде выступали специалисты российского федерального центра, первый вопрос, который прозвучал от судьи, ведущего заседание: валидирована ли та методика, с помощью которой мы провели исследование? И, понимаете, можно обижаться на что-то, говорить, что в России мы самые лучшие, самые образованные, что в Европе не до конца всё понимают... Нет, когда ты действуешь по единым правилам, то все это понимают.

И первыми, кто нас поддержал, были англичане, то есть это был центр судебных экспертиз Лондона, который сказал, что экспертиза в российском федеральном центре сделана просто безукоризненно. И суд принял решение. Не надо было, там, любить, не любить нас, Россию, – он должен был принять правовое решение, и он его принял.

Вот что такое "валидация". Я думаю, мы к этому придем. Жаль, что этого слова, этой вещи нет в нашем сегодняшнем проекте закона. Но мы все равно этим будем заниматься, мы будем это продвигать. И я думаю, что та сертификация, которая сохранилась для методических материалов, все-таки временно нам даст возможность поступать именно таким путем.

Также я думаю, что в числе первостепенных задач требуется подтверждение компетентности судебно-экспертных организаций путем аккредитации в соответствии с международными стандартами. Вот почему в российском федеральном центре мы поступательно осуществляем международную аккредитацию всех направлений экспертной деятельности. Нет такого направления в центре, которое бы не было с международной точки зрения аккредитовано и не соответствовало бы правилам игры на мировом пространстве.

Направление стандартизации очень связано с аккредитацией. И поэтому Министерство юстиции Российской Федерации и российский федеральный центр в 2015 году вышли с инициативой нашего стандарта, и открылся комитет (134 судебные экспертизы), который занимается стандартизацией методик. И это второй вопрос, который звучит на всех международных разбирательствах: стандартизированы ли те методические словари, методические подходы, которые вы используете при проведении экспертиз, или нет?

Сегодня уже шесть стандартов принято, три стандарта находятся в работе и должны быть приняты. То есть комитет работает вместе со всеми заинтересованными лицами. И я хочу с этой трибуны поблагодарить всех. Начинали мы тяжело, сейчас все идет проще. Хочешь не хочешь, но это нужно делать, это нам с вами

всем нужно, чтобы противостоять тому отношению, которое сегодня к нам имеется.

Поэтому большое спасибо за то, что именно на этой площадке мы сегодня освещаем эти важные вопросы по совершенствованию судебно-экспертной деятельности.

И нам кажется, уважаемые коллеги, что то, о чем мы сегодня будем говорить, если мы как-то будем слышать друг друга (я вас всех призываю к этому) – все это нам позволит укрепить доверие к результатам деятельности российских судебно-экспертных учреждений, подтвердить нашу с вами техническую компетентность и способность получать достоверные результаты, которые, безусловно, будут приниматься на международном уровне всеми представителями, независимо от того, хороший ли судья, какая страна в этот момент председательствует, так как все будет проведено безукоризненно. Ну а мы, Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, и наша система судебно-экспертных учреждений очень надеемся, что, следуя, может быть, медленными шагами, но конструктивными, сотрудничая со всеми вами, мы победим в этой работе. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, что Россия от этого выиграет. Спасибо. И спасибо за то, что соблюдаете регламент.

Вообще, я тоже соглашусь: очень жаль, что валидация уходит и как термин. Здесь сразу возникает вопрос: если сертификация методических рекомендаций, то, может быть, тоже нужен какой-то реестр, где сертификаты?.. Какие методические рекомендации? Это для самих экспертов важно. Вот этими сертифицированными можно

пользоваться (для судей, для многих других). То есть это как бы некий номер и опять же обеспечивает прозрачность.

Если говорить о признании наших экспертиз и наших экспертных заключений, когда мы выходим на международную арену, то это тоже будет работать в пользу того, что у нас открытая информация относительно того, что наши методики, методические рекомендации оценены, есть сертификат, можно видеть, что это собой представляет, так же как по экспертам.

Сейчас то, что Вы озвучили относительно экспертов... Да, будет аттестация в государственных судебно-экспертных учреждениях. Может быть, сохранить тот порядок, который есть. Но тогда возникает вопрос – либо нужен реестр государственных судебно-экспертных учреждений и экспертов, то есть тех, кто имеет сертификаты компетентности, либо государственные экспертные учреждения, которые отвечают за экспертизу любого эксперта, который ее в этом учреждении проводит, а внешне выходит экспертное заключение этого учреждения. То есть, если есть вопросы, связанные с обеспечением какой-то конфиденциальности, безопасности, это вполне возможно, учитывая, какая сфера преступности сейчас и насколько она тоже специализируется. То есть можно, но тогда надо хотя бы это сделать, чтобы какая-то прозрачность была, что это за экспертные учреждения. Не обязательно, может быть, фамилии... Как раз это сильный вариант в законопроекте. Он позволял бы обеспечивать единство системы через единство статуса экспертов, получающих сертификаты, соответствующих единым требованиям. Подумайте, пожалуйста, и об этом тоже. Спасибо.

Слово для доклада от имени МЧС предоставляется заместителю директора Департамента надзорной деятельности и

профилактической работы МЧС России Бабушкину Михаилу Юрьевичу, потому что Кобзев Игорь Иванович не может присутствовать.

И подготовиться для выступления от МВД Сергею Владимировичу Сыромятникову.

Пожалуйста.

М.Ю. БАБУШКИН

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые парламентарии, уважаемые представители экспертного сообщества! Хотел бы сразу поблагодарить от лица министерства за предоставленную возможность ознакомить вас отдельно с небольшим блоком, касающимся деятельности судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы, и одновременно высказать мнение в рамках рассматриваемого вопроса по совершенствованию экспертной деятельности в Российской Федерации.

Действующая система судебно-экспертных учреждений ФПС, функционирующих в системе МЧС России, ведет историю от подвижных пожарных лабораторий, созданных Наркоматом внутренних дел СССР еще в марте 1945 года. Указанные лаборатории развивались последовательно в системе НКВД, МВД СССР и России, а с 2002 года – как раз в системе министерства по чрезвычайным ситуациям.

На базе указанных лабораторий в настоящее время функционируют судебно-экспертные учреждения федеральной противопожарной службы в форме федеральных государственных бюджетных учреждений. Система включает в себя 78 учреждений, осуществляющих свою деятельность на всей территории Российской Федерации. Обеспеченность передвижными экспертно-криминалистическими лабораториями в наших учреждениях

составляет 100 процентов, приборами для работы в полевых условиях и стационарным лабораторным оборудованием – 95 процентов. В системе трудится более 1300 сотрудников и работников, из них непосредственно осуществляют деятельность по экспертным исследованиям около 800. Объемы выполняемых экспертных исследований представлены на слайде.

Что касается развития системы судебно-экспертных учреждений ФПС, наиболее динамично она развивалась в рамках целевой программы пожарной безопасности в 2008–2012 годах, когда нам удалось практически на 100 процентов обеспечить лаборатории оборудованием, построить 21 здание с нуля и в 10 провести капитальный ремонт и реконструкцию.

Но при всем этом в деятельности судебно-экспертных учреждений МЧС России существуют серьезные проблемы.

Одна из причин – это недостаточная численность сотрудников. В 16 субъектах Российской Федерации штатная численность учреждений, включая обслуживающий персонал – водителей, бухгалтеров и делопроизводителей, – не более 10–12 человек, то есть на субъект приходится фактически от двух-трех до четырех-пяти экспертов. С учетом числа пожаров в Российской Федерации, которые необходимо исследовать, сами понимаете, что это не так много. Если взять, допустим, такой субъект Российской Федерации, как Республика Бурятия, которая подвержена достаточно большому количеству лесных и ландшафтных пожаров, то штат учреждения у нас там составляет вообще четыре человека. Этого явно недостаточно.

Кроме того, в период реформирования Государственной противопожарной службы, передачи ее в подчинение МЧС России в отраслевом законодательстве, которым для системы МЧС России и

федеральной противопожарной службы в первую очередь являются Федеральный закон "О пожарной безопасности" и положение о министерстве, вопрос закрепления именно функции экспертной деятельности у нас почему-то был немножко упущен. Поэтому хотели бы в том числе высказать свое предложение – если в последующем мы выйдем с изменениями в федеральный закон № 69, оказать содействие и помощь в закреплении этого статуса за учреждениями, которые уже есть.

Что касается рассматриваемого проекта федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", МЧС России в целом поддерживает эту идею, особенно новации, которые заложены в данном федеральном законе, особенно как раз, как уже сказал Денис Васильевич, в части упорядочения деятельности негосударственных судебных экспертов, деятельность которых (отдельных, повторюсь) дискредитирует именно статус эксперта и подготавливаемые в том числе и другими экспертными учреждениями и экспертами заключения.

Если в настоящее время государственный судебный эксперт (во всяком случае, в системе МЧС России и в системах других государственных органов) получает высшее образование, обязан проходить переподготовку по соответствующей экспертной специальности (в системе МЧС России еще предусматривается предаттестационная подготовка, которая осуществляется в форме либо повышения квалификации, либо соответствующей стажировки и лишь после проведения аттестации дает ему право на самостоятельное производство экспертиз), то, соответственно, негосударственный эксперт... По большей части у нас это возникает в рамках гражданского процесса, когда негосударственный эксперт представляет документ о высшем образовании и в принципе

подтверждение стажа работы в части, допустим, пожарно-технической экспертизы, нашего основного направления, в Государственной противопожарной службе. При этом он может занимать должность в управлении тыла и так далее и непосредственно к экспертной деятельности не иметь никакого отношения.

Сталкиваемся мы постоянно в своей деятельности с такими экспертами. К сожалению, как уже было сказано, представление заключений такими экспертами приводит не только к затягиванию судебных процессов, но касательно нас (мы, как орган дознания, часто с этим сталкиваемся) — к отмене постановлений, отказам в возбуждении уголовных дел, повторным проверкам. Доходит до того, что один отказной материал прокуратура у нас отменяет по семь-восемь раз, в том числе из-за того, что представляются различные экспертизы по этому вопросу.

Поэтому в этой части мы поддерживаем новации представленного законопроекта.

Ну и еще хотелось отметить, что все-таки в действующем законодательстве, по мнению министерства, привлечение к административной и уголовной ответственности нерадивых экспертов достаточно проблематично, потому что имеющиеся составы, где основным признаком является заведомая ложность... Вот она, по нашему мнению, и в уголовной практике, и в административной юрисдикции достаточно сложно доказывается. Поэтому как раз в части нерадивых экспертов есть такой, так скажем, зазор — можно написать и к ответственности тебя никто не привлечет.

Что еще хотелось бы сказать? У нас в проекте поправок предусматривается, закрепляется право экспертных учреждений, в

том числе государственных, осуществлять внебюджетную деятельность. Это огромное подспорье для развития, можем сказать по нашей системе. Наши учреждения за счет этого улучшают материально-техническую базу, выполняют экспертизы по уголовным делам сверх того, что установлено государственным заданием. Средства, получаемые от внебюджетной деятельности, идут на поверку приборов, оборудования, ну и, соответственно, текущий ремонт, может быть, закупку ГСМ и так далее.

В этой новации есть, так скажем, и обратная сторона медали. В настоящее время мы столкнулись с тем, что в условиях, когда сокращается государственное финансирование, за счет возможности осуществления внебюджетной деятельности на государственные судебные-экспертные учреждения, так скажем, сваливают эту необходимость. То есть в настоящий момент, в этом году, на обеспечение системы нам нужно было 980 миллионов, а выделили нам всего 830 изначально, все остальное, в том числе средства на содержание экспертов, необходимо зарабатывать самим. Поэтому мы считаем, что это действительно, с одной стороны, хорошо, а с другой стороны, надо как-то гарантировать государственную поддержку хотя бы в рамках, будем говорить так, заработной платы, которая составляет из субсидий у нас в системе до 96 процентов. То есть эта проблема есть и надо ее обсудить.

Что хотелось бы сказать еще? Мы, как я уже сказал, в целом поддерживаем новации законопроекта. Но опять же мы понимаем, что есть определенные риски, которые могут возникнуть, в том числе при согласовании методических материалов, сертификации. Но я думаю, что если конструктивно к этому подходить, то этот вопрос решать возможно.

Что хотелось бы сказать в заключение? В период с 5 по 7 июня на ВДНХ будет проходить выставка "Комплексная безопасность 2019". Поэтому мы хотели бы пригласить всех присутствующих туда прибыть и посмотреть. Там будет представлена информация о деятельности судебно-экспертных учреждений, в том числе будут представлены и лабораторное оборудование, и передвижная лаборатория. И, соответственно, с исторической частью тоже там можно будет ознакомиться. Благодарю за внимание. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Михаил Юрьевич, Вы высказали предложения к проекту рекомендаций относительно поправок в ваш закон № 69. Там действительно экспертиза упоминается, но как бы между строк. Поэтому, учитывая то, что будет сейчас базовый закон (а у вас есть какие-то особенности, которые, конечно, надо устанавливать, как и применительно ко всем другим государственным ведомствам, в полномочия которых входит экспертиза), посмотрите, сформулируйте предложения. Мы ждем тогда их от вас в проект рекомендаций. Это все реально, системно.

М.Ю. БАБУШКИН

Спасибо, Елена Борисовна. Мы подготовим.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Сыромятникову Сергею Владимировичу, врио начальника Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидату физико-математических наук, на тему "О состоянии государственной судебно-экспертной деятельности в органах

внутренних дел Российской Федерации и имеющихся проблемах ее законодательного регулирования".

Подготовиться Ильину.

Пожалуйста.

С.В. СЫРОМЯТНИКОВ

Спасибо.

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний, коллеги! Экспертно-криминалистическая служба органов внутренних дел занимает ведущее место в системе государственных экспертных учреждений. Она самая многочисленная и насчитывает почти 17 тысяч человек, которые дислоцированы во всех субъектах Российской Федерации.

Спектр экспертных направлений достаточно широк, что позволяет нам на высоком уровне обеспечивать органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, надежной доказательственной базой. Именно за счет деятельности специалистов МВД в подавляющей степени удовлетворяются потребности в экспертном обеспечении уголовного судопроизводства в России. Наши эксперты ежегодно проводят почти 2 миллиона исследований и экспертиз, участвуют в проведении около 3 миллионов оперативно-розыскных мероприятий и свыше 2,5 миллиона процессуальных действий, в том числе участвуют в проведении более 1 миллиона осмотров мест происшествий. При этом доля осмотренных с нашим участием мест совершения тяжких и особо тяжких насильственных и имущественных преступлений составляет сейчас почти 95 процентов.

Сохраняется на высоком уровне эффективность выполняемой нами экспертной работы. Ежегодно более 70 процентов исследований способствуют выявлению и раскрытию преступлений,

40 процентов экспертиз – установлению причастности конкретных лиц к их совершению. При этом результативность не только исследований, но и экспертиз ДНК, например, в прошедшем году составила почти 75 процентов.

Экспертные подразделения полиции также осуществляют государственную дактилоскопическую и геномную регистрацию, формируют, ведут и используют для раскрытия преступлений соответствующие федеральные базы данных и различные учеты.

Большое внимание нами уделяется укреплению кадрового состава и повышению требований к квалификации наших экспертов. Совершенствуется методическая база по производству таких востребованных видов экспертиз, как биологические, физико-химические, лингвистические, компьютерные, финансово-аналитические, строительные и радиотехнические.

Большое значение придается одному из перспективных в настоящее время направлений экспертных исследований – ДНК-анализу и связанной с ним системе государственной геномной регистрации. Только за прошлый год открыты еще четыре новых лаборатории ДНК-анализа, и их общее количество в системе МВД доведено до 70. Повышается результативность исследований ДНК и федеральной базы данных геномной информации. В течение 2018 года почти на треть вырос общий массив объектов учета данной базы, и на четверть увеличилось количество помещенных в нее за год генотипов.

В 2018 году более чем в 3,5 раза увеличилось количество лабораторий радиотехнических экспертиз, начали функционировать 10 новых лабораторий психофизиологических экспертиз, восемь лингвистических, пять автороведческих и три фоноскопических. На 25 процентов возросла численность экспертов, специализирующихся

по направлению компьютерных экспертиз, и на 19 процентов – строительно-технических.

Развивается международное сотрудничество в сфере криминалистики, на постоянной основе оно налажено с экспертными службами республик Казахстан, Беларусь, Армения и других стран – участниц СНГ. Мы оказываем содействие в обучении при подготовке зарубежных экспертов, а также осуществляем обмен криминалистически значимой информацией, в первую очередь геномной и дактилоскопической, с проведением проверок по соответствующим учетам и базам данных.

В прошедшем году специалистами ЭКЦ МВД России оказана помощь зарубежным коллегам в проведении проверок пуль и гильз, следов рук и дактилокарт, генетических профилей. В результате установлена причастность 32 лиц к совершению преступлений, идентифицировано шесть неопознанных трупов. Аналогичная работа проводится нами и в ходе осуществления приграничного сотрудничества, при этом масштаб информационного обмена с каждым годом постоянно увеличивается.

В целях совершенствования профессионального обучения экспертов российской полиции, а также специалистов дружеских иностранных государств совместно с образовательными организациями МВД России только в прошлом году нами принято участие в разработке 77 учебных программ, в том числе и основной профессиональной образовательной программы высшего образования, 74 дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и одной программы профессионального обучения сотрудников экспертных подразделений по должности "полицейский".

Вместе с тем, несмотря на четко организованную работу нашей службы, хотелось бы озвучить ряд объективных факторов, оказывающих влияние на дальнейшее развитие экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России и эффективность нашей работы по обеспечению уголовного и административного судопроизводства. В качестве одного из них отмечу недостаточный уровень оснащенности криминалистическим оборудованием, который на сегодняшний день не превышает в целом 60 процентов по стране.

Ситуацию осложняет и отсутствие в ряде случаев отечественных аналогов дорогостоящих импортных приборов и расходных материалов. Данная проблема является общероссийской для всей системы государственной судебной экспертизы, и поэтому она была вынесена на рассмотрение оперативного совещания Совета Безопасности, прошедшего под председательством Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина 31 мая 2018 года. В соответствии с его решением правительству было поручено рассмотреть вопрос о разработке и реализации федеральной целевой программы развития и совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Мы считаем, что такая федеральная целевая программа может являться оптимальным путем решения многих проблем, в том числе и вопросов, касающихся импортозамещения. Вместе с тем в ходе реализации указанного поручения Совета Безопасности Минюст России высказал мнение о нецелесообразности такой государственной программы.

Мы постоянно совершенствуем нормативно-правовую базу экспертно-криминалистической деятельности. Только в прошедшем году нами принято участие в подготовке двух проектов федеральных

законов, двух постановлений правительства и других нормативно-правовых актов, в том числе межведомственного характера.

Один из указанных законопроектов, который разработан непосредственно нами, предусматривает расширение перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, в целях максимального увеличения массива федеральной базы данных геномной информации.

Зарубежный опыт показывает, что базы данных ДНК способствуют оперативному раскрытию преступлений только в том случае, если в них содержатся генотипы как минимум 1 процента населения страны. Однако на сегодняшний день массив нашей базы генетических профилей составляет чуть более 0,4 процента населения России. Сейчас обязательной государственной геномной регистрации подлежат только лица, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений и любых преступлений против половой неприкосновенности и свободы, а также генетические профили неопознанных трупов и биологических следов, изъятых с мест нераскрытых преступлений.

После принятия разработанного нами законопроекта на учет будут ставиться генотипы уже всех отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, административно арестованных. Благодаря этому к концу 2021 года массив федеральной базы данных геномной информации должен увеличиться до 5,2 миллиона объектов, что соответствует почти 3,5 процента населения России. Это позволит повысить эффективность ее использования не только в раскрытии, но и в профилактике преступлений.

Необходимо отметить, что законопроект уже неоднократно вносился в правительство. Это обусловлено необходимостью

изыскания дополнительных бюджетных средств для обеспечения его реализации. В настоящее время предполагается, что на эти цели в течение трех лет (с 2020 по 2022 год) потребуется порядка 8 млрд рублей. 21 мая текущего года в Минфине России состоялось совещание по вопросу определения источников финансирования. По его итогам имеются достаточные основания полагать, что законопроект будет согласован Минфином и впоследствии внесен правительством в Государственную Думу.

Ввиду актуальности и важности данного федерального закона просим оказать содействие в его прохождении в высших органах государственной власти в приоритетном порядке.

Второй из упомянутых проектов федеральных законов, подготовленный Минюстом России, – законопроект о судебной экспертной деятельности в Российской Федерации. Необходимо отметить, что с момента его разработки мы принимали самое активное участие в корректировке текста данного законопроекта в целях обеспечения в его итоговой редакции учета интересов и специфики всех заинтересованных министерств и ведомств, в которых функционируют государственные судебные экспертные учреждения.

В настоящее время совместными усилиями МВД, ФСБ, Следственного комитета, Минобороны, ФТС и Минюста России межведомственные разногласия в основном устранены и выработана единая позиция по большинству концептуальных положений данного законопроекта. Вместе с тем хотелось бы увидеть в его финальной версии наше предложение о необходимости наделения федеральных органов государственной власти, к ведению которых отнесены соответствующие государственные судебные экспертные организации, полномочием по самостоятельному осуществлению

сертификации методических материалов и компетентности экспертов по производству судебных экспертиз.

Данный вопрос является принципиальным при осуществлении экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел. И в этом нас поддерживают коллеги из ФСБ России. Здесь необходимо понимание, что сертификацию методик целесообразно осуществлять специалистами тех органов, которые будут на практике эти методики применять. Также и сертификация компетентности экспертов будет максимально эффективной, если ее проведут лица, в совершенстве владеющие ведомственной спецификой в подборе экспертных кадров и осуществлении экспертной деятельности.

На сегодняшний день законопроект находится в высокой степени готовности. Его скорейшее принятие, по нашему мнению, обеспечит дальнейшее поступательное и всестороннее развитие судебно-экспертной деятельности, а также в целом правосудия в Российской Федерации. Примечательно, что он также позволит реализовать единые подходы к осуществлению функций государственными экспертами различной ведомственной принадлежности, а также четко с правовой точки зрения регламентировать организацию работы негосударственных экспертов, что повысит уровень использования их потенциала в судопроизводстве. Это в том числе будет способствовать более рациональной нагрузке, например, на сотрудников экспертной службы органов внутренних дел, которая в настоящее время остается достаточно высокой.

Важным событием в деятельности экспертного сообщества явилось создание Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. На сегодняшний день завершено формирование ее состава. В комиссию

от всех заинтересованных ведомств вошли руководители и ведущие специалисты в области судебной экспертизы. Работа комиссии призвана способствовать совершенствованию межведомственного взаимодействия в целях разработки единых подходов к производству экспертиз, а также унификации и повышению качества методического арсенала криминалистов.

Полагаю, что только совместными усилиями будут обеспечены прогрессивное развитие и постоянное совершенствование судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Благодарю за внимание. Доклад окончен.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Сергей Владимирович.

У Вас прозвучали еще новые предложения, которые в письменном виде не даны. Так что, пожалуйста, вносите. Хорошо?

С.В. СЫРОМЯТНИКОВ

Мы их сформулируем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тем более что мы соберемся и вместе с Вами и посмотрим окончательный текст рекомендаций. А дальше уже Совет Федерации включится в поддержку тех пунктов рекомендаций, которые будут утверждены комитетом и предварительно согласованы с вами. Спасибо большое.

Слово предоставляется Ильину Андрею Андреевичу, заместителю начальника Правового управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старшему советнику юстиции.

Приготовиться Токареву Петру Ивановичу.

Пожалуйста.

А.А. ИЛЬИН

Уважаемые коллеги, уважаемая Елена Борисовна! Огромное спасибо за то, что Вы нас собрали здесь сегодня и за возможность поделиться определенными результатами нашей надзорной практики, касающейся непосредственно результатов осуществления государственной экспертной деятельности. К сожалению, тут картина не такая благостная. Я поделюсь лишь отдельными результатами проверок, которые проводились органами прокуратуры именно в последние два года.

Прежде всего о ситуации, связанной с судебно-медицинскими экспертизами, которые проводятся Минздравом России. В рамках комплексной проверки, которая проводилась нашими подразделениями за 2016–2017 годы и первое полугодие 2018 года, выявлены следующие основные нарушения.

Прежде всего зачастую не всегда соблюдаются права лиц, подлежащих экспертизе в добровольном порядке, выявляются случаи неполучения их согласия на проведение исследований. Такие случаи были выявлены в Иркутском областном бюро судебно-медицинской экспертизы, а также в Тамбовской области. Были выявлены отдельные факты злоупотребления сотрудниками экспертного учреждения своими полномочиями. Так, в Иркутской области один сотрудник вводил в заблуждение граждан: брал с них денежные средства за исследование тел умерших, подготовку тел к погребению от имени индивидуального предпринимателя, которым являлась его жена.

Кроме того, вопреки требованиям закона медицинскими работниками систематически нарушается 30-дневный срок пребывания лиц, помещенных в соответствующие учреждения для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической

экспертиз. Подобные факты выявлены в Республике Бурятия и в Белгородской области.

Установлены случаи несоблюдения учреждениями здравоохранения требований законодательства о лицензировании. Так, в Ленинградской области у 14 районных отделений государственного казенного учреждения "Бюро судебно-медицинской экспертизы", расположенных вне места нахождения юридического лица, отсутствовали лицензии на осуществление медицинской деятельности.

Результаты проверок также зачастую свидетельствуют о том, что нарушены лицензионные требования в части обеспечения учреждений, осуществляющих судебно-медицинскую и судебно-психиатрическую экспертизы, необходимым оборудованием в соответствии с законом и в соответствии со стандартами, установленными Минздравом России. Так, в частности, в Республике Калмыкия установлено, что в 2017 году из потребности учреждений на приобретение основных средств на сумму 3,6 млн рублей из республиканского бюджета выделено только 245 тыс. рублей. В связи с этим республиканским прокурором вносилось соответствующее представление председателю Правительства Республики Калмыкия. В Курганской области неукомплектованность кадрами областного бюро судебно-медицинской экспертизы также привела к затягиванию сроков производства экспертиз.

Также в нарушение статьи 13 федерального закона № 73-ФЗ не исключены случаи осуществления работниками учреждений здравоохранения профессиональной деятельности без документов об образовании, повышении квалификации и сертификатов специалистов. Например, вопиющий случай – в Республике Бурятия, когда 203 комиссионные судебно-психиатрические экспертизы были

проведены экспертом, у которого отсутствовало дополнительное профессиональное образование по специальности "судебно-психиатрическая экспертиза".

Всего, по данным прокуроров, судебными экспертами Минздрава России в анализируемый период допущено 3 тысячи нарушений закона при производстве экспертных исследований по сообщениям о преступлениях, уголовным делам. Из них 2,7 тысячи повлекли нарушение требования о разумном сроке уголовного судопроизводства. Такие факты фиксировались в Республике Бурятия, Забайкальском крае, Иркутской, Омской и Ярославской областях.

Существенной проблемой также является качество экспертных исследований в Минздраве России. Практически в каждом участвовавшем в проверке регионе страны имеются факты назначения повторных, дополнительных, комиссионных экспертиз, когда необходимость их производства вызвана некачественным первоначальным исследованием. Результаты 152 повторных экспертных исследований противоречили выводам, содержащимся в заключениях первоначальных экспертиз.

В связи с недостатками, допущенными в ходе экспертных исследований, для дополнительного расследования в порядке статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса прокурорами возвращено 37 уголовных дел. По этой же причине 38 уголовных дел судом в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса также возвращено для дополнительного расследования. О фактах получения по результатам повторных, дополнительных, комиссионных экспертиз противоположных выводов сообщается также в республиках Бурятия, Хакасия, Удмуртия, в Забайкальском и Краснодарском краях, в Астраханской, Белгородской, Волгоградской,

Костромской, Рязанской, Тульской, Ярославской областях и других субъектах Российской Федерации.

Отдельной проблемой также является, конечно, расследование врачебных ошибок, когда следственные органы сталкиваются с необъективностью полученных в своем регионе заключений при назначении повторного исследования в другом субъекте страны – эксперты, соответственно, приходят к совершенно противоположным выводам. В 2017 году такие факты, например, выявлены при расследовании деятельности экспертов в государственном учреждении Астраханской области "Бюро судебно-медицинской экспертизы" при расследовании трех уголовных дел. Аналогичные данные – по 2016 году.

Кроме того, органами прокуратуры, соответственно, нашим профильным управлением, занимающимся надзором за исполнением законодательства о безопасности и противодействии экстремистской деятельности, проведена проверка деятельности экспертных учреждений, подведомственных Минюсту России, которые проводят экспертизы по материалам, уголовным делам экстремистской и террористической направленности.

Во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 2012 года в составе соответствующих учреждений Минюста России создано 43 специализированных региональных экспертных центра для проведения исследований и экспертиз произведений литературы, публикаций печатных и электронных средств массовой информации, аудио- и видеопродукции в целях выявления в них признаков экстремизма.

Между тем, как установили проверки, штатные единицы экспертов – лингвистов и психологов, аттестованных на право самостоятельного производства экспертиз и исследований

экстремистских и террористических материалов, распределены по субъектам Российской Федерации без учета потребностей следственной и судебной практики. В результате сложилась ситуация, когда в одних судебно-экспертных учреждениях необходимость проведения психолого-лингвистических экспертиз не возникает годами, а в других эксперты работают со значительным превышением нагрузки. Так, например, в 2017 году экспертизы в части материалов по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма, не проводились вообще в Калужской, Самарской и Тамбовской лабораториях судебной экспертизы.

Второе. Более чем в 60 процентах случаев срок производства судебных экспертиз по данной категории в 2017–2018 годах превысил 30 дней, а очередь на их проведение составляет несколько месяцев. Так, например, в Республике Адыгея по материалам, поступившим в соответствующую лабораторию в декабре 2017 года, заключение было представлено только в декабре 2018 года.

Свыше трех месяцев без движения находился в федеральном бюджетом учреждении Краснодарской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации материалы, поступившие для производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы, до 22 мая 2018 года. Соответствующие материалы были отозваны следователем, в итоге направлены, обращаю ваше внимание, в Калининградскую лабораторию судебной экспертизы того же Минюста, результаты которой были получены только в августе 2018 года.

Имеются и другие данные – например, в Крымской лаборатории судебной экспертизы без движения находились материалы по двум уголовным делам (соответственно четыре месяца и пять месяцев).

Соответственно, очередь на проведение экспертиз приводит к нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства. Сложившаяся ситуация вынуждает следователей обращаться к негосударственным экспертам, что приводит к дополнительному расходованию бюджетных средств на эти цели при наличии специализированных государственных экспертных учреждений. То есть фактически президент дает поручение создать специальную систему, а органы следствия все равно вынуждены идти к негосударственным экспертам, чтобы соблюдать сроки.

Вот была курьезная ситуация. По одному из уголовных дел срок производства психолого-лингвистической экспертизы Кировской лабораторией судебной экспертизы был определен – не раньше мая 2019 года (это было в июле 2018 года). Соответственно, когда следователь попытался обратиться в другой центр, ему было отказано с формулировкой (я цитирую): "Возможность проведения указанной судебной экспертизы в срок не ранее мая 2019 в Кировской ЛСЭ Минюста России (то есть загруженность экспертов) не является основанием для ее проведения в ФБУ "Приволжский РЦСЭ Минюста России" (то есть в другом центре)". То есть, если они загружены, это не значит, что это надо переправлять к нам. Вот там и ждите.

Особенно острая ситуация с нехваткой экспертов сложилась на территориях Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов, где отсутствует возможность направления материалов на психолого-лингвистическую экспертизу и исследование в другие экспертные учреждения.

Кроме того, в нарушение положений статьи 14 закона № 73-ФЗ руководством соответствующих учреждений не обеспечен внутренний контроль за соблюдением сроков производства судебных

экспертиз и исследований, то есть на уровне какой-то элементарной внутренней деловой культуры соответствующих учреждений. Отсутствуют обоснованные рапорты экспертов о невозможности выполнить судебную экспертизу в установленный срок, что противоречит самим методическим рекомендациям, которые утвердил Минюст. Сроки проведения судебной экспертизы в большинстве учреждений также начинают исчисляться не со дня регистрации постановления, определения назначения экспертизы, а с даты фактического начала ее производства.

Несмотря на повсеместность нарушения сроков проведения экспертиз и исследований, анализ причин возникновения сложившейся ситуации Минюстом России, как установлено, в недостаточной мере проводился и достаточные меры к исключению подобных фактов не принимались, по крайней мере по состоянию на конец 2018 года. Соответствующие данные были изложены в представлении.

Что касается экспертиз, которые проводит Следственный комитет, там, конечно, ситуация немножко получше, но тоже не все так замечательно. Так, по данным прокуратуры, экспертами Следственного комитета допущено в 2017–2018 годах 118 нарушений закона при производстве экспертных исследований. Результаты 111 повторных экспертных исследований, проведенных в других ведомствах, противоречили выводам, содержащимся в заключениях первоначальных экспертиз Следственного комитета России. Всего признаны недопустимыми 35 заключений экспертиз Следственного комитета России.

Также обращаю внимание на то, что в ноябре – декабре 2018 года, например, Останкинским районным судом города Москвы возвращены два уголовных дела прокурору в порядке статьи 237

УПК, поскольку экспертизы в ходе их расследования вопреки пункту 2 части 2 статьи 70 УПК проведены экспертами, состоящими в штате следственного органа.

Думаю, я кратко обрисовал практическое состояние, что происходит в экспертной деятельности, не применительно к абстрактному регулированию.

Соответственно, применительно к рекомендациям парламентских слушаний хотел бы отметить, что, безусловно, Генеральная прокуратура поддерживает концептуально законопроект, внесенный Минюстом России. В этом контексте мы еще раз отмечаем (насколько я знаю, мы писали это в своих замечаниях), что все-таки наиболее эффективной формой государственного контроля за осуществлением негосударственной судебно-экспертной деятельности в целях соблюдения прав и законных интересов граждан, вовлеченных в той или иной степени в сферу уголовного производства, является, наверное, все-таки лицензирование. Установление единых требований не только к экспертам, но и к техническому оснащению судебных лабораторий, требований к специфическому целевому использованию научно-технических средств при производстве судебной экспертизы позволит, по нашему мнению, обеспечить большую достоверность и качество экспертных исследований. Мы понимаем, конечно, что это затратный механизм, но в любом случае мы будем настаивать на сохранении в законопроекте такого четко сформулированного и объективного механизма подтверждения государственным органом компетенции негосударственного эксперта в качестве обязательного условия его допуска к производству судебных экспертиз.

Кроме того, учитывая необходимость системного подхода к правовой регламентации осуществления судебно-экспертной

деятельности, законопроект должен учитывать положения федеральных законов "О прокуратуре Российской Федерации", "О противодействии экстремистской деятельности", "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в части наделения прокурора правом инициировать проведение экспертизы информационных материалов с целью обращения в суд с заявлением о признании их экстремистскими.

Генеральная прокуратура, безусловно, приветствует создание правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности, и соответствующие предложения, насколько я знаю, нами были согласованы.

Касательно содержащейся в проекте рекомендаций рекомендации Государственной Думе ускорить рассмотрение проекта федерального закона, касающегося законодательной регламентации права Следственного комитета проводить соответствующие экспертизы, мы, безусловно, поддерживаем необходимость такой законодательной регламентации, сам законопроект, но с учетом, конечно же, той работы, которая была проведена в рамках соответствующей рабочей группы Совета Безопасности (в которой, я знаю, Денис Васильевич принимал также участие) и касается установления определенных гарантий независимости эксперта от лица, которое эту экспертизу назначает. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Андрей Андреевич. Поддерживаем вашу позицию относительно поправок в этот законопроект по экспертным учреждениям Следственного комитета.

Конечно, лицензирование возможно, это наиболее эффективная форма надзора, но не случайно (и Денис Васильевич подчеркнул) законопроект, который сейчас идет, уж очень

задержался. Даже сертификация экспертов – это уже очень серьезный шаг в сторону того, чтобы эта деятельность была более прозрачной, открытой и поднадзорной таким образом. В будущем, конечно, когда закон будет принят, уже можно будет двигаться и к более совершенным формам надзора. Спасибо.

Андрей Андреевич, если будут предложения к нашему проекту рекомендаций, Вы, пожалуйста, тогда в письменном виде их представьте, у Вас тоже такая возможность есть.

Слово предоставляется Токареву Петру Ивановичу, начальнику Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной службы, генерал-майору таможенной службы, лауреату премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Подготовиться Гусевой Оксане Игоревне.

П.И. ТОКАРЕВ

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Действительно, с момента принятия в первом чтении Государственной Думой законопроекта проделана колоссальная работа – в первую очередь, конечно, Министерством юстиции Российской Федерации, коллегами из других федеральных органов исполнительной власти, а также из экспертных учреждений. К настоящему моменту, как я полагаю, бóльшая часть поправок, которые были у коллег, внесена в проект федерального закона, и он находится в высокой стадии готовности. Я думаю, что может быть рассмотрен уже Федеральным Собранием.

В то же время хотелось бы отметить некоторые свои замечания (частично они уже прозвучали в выступлениях коллег).

Действующим законодательством о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации предусмотрено, что

государственные судебно-экспертные учреждения производят судебную экспертизу в соответствии с профилем, определенным для них соответствующими федеральными органами исполнительной власти. Специализированным учреждением Федеральной таможенной службы является Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление, которое наряду с исследованиями для целей Федеральной таможенной службы также проводит исследования в части исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы.

Учитывая положения Федерального закона от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности", аккредитация управления при осуществлении полномочий по судебно-экспертной деятельности не предусмотрена.

Кроме того, согласно статье 1 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 412 "Об аккредитации в национальной системе аккредитации" федеральный закон регулирует отношения, возникающие между участниками национальной системы аккредитации, иными установленными настоящим федеральным законом лицами в связи с осуществлением аккредитации в национальной системе аккредитации: юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, выполняющих работы по оценке соответствия. Но в рамках своей судебно-экспертной деятельности ЦЭКТУ таких полномочий не осуществляет, такие работы не проводит.

В международной практике судопроизводства обеспечение качества судебной экспертизы реализуется посредством аккредитации судебно-экспертных учреждений по стандарту Международной организации по стандартизации ISO 17025. Такой

стандарт принят и в России – это ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025-2000 "Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий". Аккредитации подлежат испытательные и калибровочные лаборатории, осуществляющие испытания, измерения по конкретным показателям. Надо сказать, что этот ГОСТ устанавливает довольно жесткие требования к организации, которая аккредитуется, как к методическому, к экспертному обеспечению, так и к техническому оснащению.

По нашему мнению, введение обязательной аккредитации государственных судебно-экспертных учреждений в национальной системе аккредитации в целях осуществления судебно-экспертной деятельности не может быть обязательным, более того – единственным условием легитимности осуществления такой деятельности. Насколько я понимаю, это замечание сейчас учтено в проекте закона.

Вместе с тем считаем возможным рассмотреть вопрос добровольной аккредитации негосударственных экспертных учреждений с целью создания единой системы оценки условий, содержания и результатов их деятельности. В случае формирования реестра негосударственных экспертных организаций, уполномоченных на проведение судебных экспертиз, наличие у таких организаций сертификата об аккредитации будет способствовать обеспечению наиболее полной и всесторонней оценке их компетентности в соответствующей области экспертной деятельности при выборе экспертной организации в том числе и судами. То есть суды уже будут понимать, с какой организацией они имеют дело, имеет ли эта организация техническую базу для производства экспертиз, каков уровень экспертов в этой организации.

Законопроектом было предусмотрено формирование правовых основ и для сертификации методических материалов по производству судебной экспертизы.

Экспертная деятельность федеральных органов государственной власти направлена на разрешение вопросов, требующих специальных знаний в областях науки, техники, искусства или ремесла с учетом деятельности конкретного уполномоченного органа. В частности, задачей таможенной экспертизы является проверка достоверности заявленных сведений о товаре, и основная задача — это идентификация продукта по товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности.

По нашему мнению, производство судебных экспертиз должно осуществляться с применением методических материалов, разработанных или прошедших валидацию или сертификацию в судебно-экспертных организациях федеральных органов государственной власти, уполномоченных в области судебно-экспертной деятельности, с учетом специфики их деятельности. Разработку, валидацию или сертификацию методических материалов, имеющих межведомственный характер, целесообразно проводить силами межведомственной комиссии по проблемам судебной экспертизы с участием федеральных органов государственной власти. В принципе такой порядок до настоящего времени существовал, и проблем с использованием методик, разработанных другими судебно-экспертными учреждениями, никогда не было.

Считаем, что при производстве судебной экспертизы в приоритетном порядке должны использоваться сертифицированные методические материалы, аттестованные в установленном порядке методики выполнения измерений, а также методики исследований, изложенные в международных, межгосударственных, национальных

стандартах, технических регламентах или иных нормативных документах, утвержденных и опубликованных в установленном порядке.

Таким образом, положения законопроекта должны быть направлены на нормативное регулирование, как нам кажется, следующих проблем.

Первое – это повышение качества судебных экспертиз, проводимых экспертами негосударственных судебно-экспертных учреждений, сокращение количества повторных и дополнительных экспертиз. Об этом сегодня говорилось, это довольно существенная нагрузка на судебных экспертов при производстве повторных экспертиз.

Второе – разграничение профессиональных и квалификационных требований к государственным судебным экспертам и судебным экспертам, не являющимся работниками государственной судебно-экспертной организации.

Третье – это сертификация компетентности судебных экспертов путем наделения государственных судебно-экспертных организаций соответствующими полномочиями. Действующий закон это позволяет, я так понимаю, что и в проекте этот порядок предусмотрен. Значит, все государственные учреждения осуществляют подбор, переподготовку, аттестацию, переаттестацию государственных судебных экспертов и несут юридическую, я бы сказал, ответственность за качество экспертов, которые работают в экспертной организации. При этом статус независимости эксперта сохраняется, потому что при производстве каждой экспертизы эксперт дает подписку об уголовной либо административной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. И у государственных судебно-экспертных учреждений достаточно

полномочий для того, чтобы эксперта, который нарушает основные правила экспертной работы (методические материалы... или по иной причине), лишить свидетельства на право производства судебной экспертизы. Этот механизм уже действует.

Научно-методическое обеспечение судебной экспертизы путем наделения исключительно государственных судебно-экспертных организаций соответствующими полномочиями, в частности по разработке и сертификации методических материалов по производству судебной экспертизы в соответствии с профилем государственной судебно-экспертной организации, — я думаю, этот вопрос тоже довольно важный. Потому что мы сталкивались с методиками, которые с научной точки зрения вообще очень сомнительны, но они иногда начинают применяться независимыми экспертами в коммерческих организациях. Поэтому мы опять сталкиваемся с тем, что нужно еще в судах рассказывать, что эта методика непригодна для проведения данных видов исследований, она не отвечает установленным требованиям.

И в заключение я хотел бы еще сказать (здесь тоже прозвучало): все законы хороши, но мы должны обратить внимание на кадровый состав наших экспертов. Все экспертные государственные учреждения обладают уникальными экспертами. Но, честно говоря, иногда бывает стыдно за уровень финансового обеспечения, за уровень их заработной платы. И, соответственно, найти хорошего эксперта, а потом его удержать на зарплате 30 тыс. рублей в Москве в государственном экспертном учреждении практически невозможно. В результате мы имеем некие показатели кадровой работы, 92 процента наполняемости, но мы — как некий такой транзитный центр, обучаем, новые методы осваиваем (чтобы подготовить хорошего эксперта, нужно три — пять лет), и, получив

определенные навыки, он просто собирается и уходит, ввиду того что мы не можем ему создать конкурентные условия по уровню заработной платы. Поэтому здесь проблема большая, и хорошо, что она в предложениях, буквально в первых строчках, отражена. Мне кажется, это очень важная тема. Спасибо за внимание. Если будут вопросы, я готов ответить.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Петр Иванович.

Слово предоставляется Гусевой Оксане Игоревне, директору департамента организации экстренной медицинской помощи и экспертной деятельности Минздрава России.

Подготовиться Аверьяновой Татьяне Витальевне.

Пожалуйста, Оксана Игоревна.

О.И. ГУСЕВА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые коллеги! Позвольте мне сказать несколько слов о нашей самой многочисленной системе экспертной деятельности – медицинской и судебно-психиатрической. Как вы видите на экране, в год мы проводим 3,5 миллиона экспертных исследований. Проводим их силами непосредственных участников производства экспертиз – это около 20 тысяч наших сотрудников, это те, кто действительно руками пишет и делает экспертные заключения. Соответственно, у нас еще есть большой вспомогательный персонал, который мы также должны удерживать и качественно подготовить с точки зрения образовательной траектории.

Структура судебно-медицинской экспертной деятельности у нас представлена учреждением-флагманом, – это Российский центр судебно-медицинской экспертизы. Соответственно, в судебно-психиатрической экспертной деятельности у нас также есть

флагман — это Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени Сербского. И обширная сеть в субъектах Российской Федерации.

И мне хотелось бы акцентировать внимание на том, что, когда в 2013 году шел законопроект, о котором мы так долго сегодня говорим, уже вышло (в 2010 году) поручение Президента Российской Федерации о поднятии всей системы на федеральный уровень. На сегодняшний день жизнеобеспечение этой системы составляет примерно 100 млрд рублей. И, соответственно, такая большая финансовая нагрузка была обременительна для того законопроекта. И, чтобы мы не тормозили прохождение законопроекта, подготовленного Минюстом, было принято коллегиальное решение на уровне правительства, под руководством заместителя председателя правительства Ольги Юрьевны Голодец: мы идем со своим собственным законопроектом, а законопроекту Минюста нужно дать шанс, чтобы он вышел из правительства, вошел в палаты Федерального Собрания и прошел свою траекторию рождения. Но, к сожалению или к счастью, так получилось, что мы опять вместе с Минюстом.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это хорошо.

О.И. ГУСЕВА

Да. Естественно, мы всегда были за рамочные, общие подходы к регулированию, но тем не менее у нас есть свои особенности, о которых я скажу, и они достаточно существенны.

К сожалению, ушел представитель Генпрокуратуры. То, что было озвучено, что у нас 3 тысячи с лишним нарушений, — это составляет 0,09 процента от всех экспертных исследований, проводимых системой. Тем не менее мы прекрасно понимаем, что за

каждым экспертным исследованием стоит человеческая жизнь, человеческая судьба. И мы благодарны Генеральной прокуратуре за то, что они нам постоянно помогают, направляют в наш адрес соответствующие представления, иные меры реагирования, и мы работаем совместно с Генпрокуратурой уже с субъектами Российской Федерации напрямую.

Наши особенности. Мы – лицензируемый вид деятельности, очень жестко. У нас есть требования к помещениям, к специалистам, к оборудованию. Ни одно оборудование невозможно применить в медицинской деятельности, если оно не прошло регистрацию в Росздравнадзоре, это аксиома. И если будут нарушения, то все экспертное исследование будет признано недоказуемым. Это первое.

Второй момент – санитарно-эпидемиологические требования, которые необходимо соблюдать для проведения всех экспертных исследований. Это очень жесткий и большой пул законодательных требований. Соответственно, если мы их нарушаем, также могут быть санкции.

И порядок производства экспертизы очень четко, фактически детально регламентирован нашими приказами, нашими методиками, которые также являются зарегистрированными Росздравнадзором. Поэтому у нас есть требования как к процедуре (все наши базовые нормативные акты представлены на экране), так и, соответственно, к специалисту. Не каждый врач может быть судебно-медицинским экспертом. Есть перечень профессий, когда можно перейти – допустим, из врача-невролога, переучившись, стать судебным медиком. Но опять же это небольшой пул специалистов медицинского направления. Что касается судебных психиатров – то же самое. Не каждый врач-психиатр может стать судебно-психиатрическим экспертом. Нужно дополнительное обязательное

образование. И поэтому контролирующим органам нас легко проверять. У нас каждый шаг регламентирован.

Однако мы не лишены проблем, и проблем на законодательном уровне. Прежде всего самая большая проблема, которая есть сейчас у нас, – это отсутствие федерального органа, уполномоченного на охрану "стражных отделений" при проведении судебно-психиатрических экспертиз. "Стражное отделение" – это сленговое название. Тем не менее нам нужна охрана для наших судебно-психиатрических экспертных медицинских организаций.

Мы дошли до Совета Безопасности в прошлом году, в августе 2018 года. Проведение этой работы поручено теперь уже МВД России, несмотря на то что мы разработали законопроект, внесли его в Правительство Российской Федерации. К сожалению, мы не смогли выработать конструктивное решение между МВД и ФСИН, в том числе по объективным причинам. На сегодняшний момент эта работа ведется уже МВД совместно с нами. Надеюсь, что в ближайшем будущем мы получим данный законопроект, а самое главное – мы получим тот федеральный орган, который встанет на охрану не только наших пациентов, но и врачей, и медперсонала, работающих в этих медицинских организациях.

Сцепленная с этим проблема – это применение статьи 435 УПК, касающейся помещения подозреваемого, обвиняемого, которому не назначены принудительные меры медицинского характера, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Это очень сложная статья в применении, потому что нет сроков, порядка ее применения и так далее. Мы, получается, ставим пациента в ущемленные рамки. Мы проигрываем дела в Европейском суде по правам человека. Мы неправильно подаем позицию, и нас обвиняют

в том, что у нас карательная психиатрия. Поэтому нам необходимо в кратчайшие сроки решить эту проблему.

Помещение и удержание пациента (мы вынуждены удерживать пациента, мы не имеем права выписывать его), соответственно, приводят к тому, что выполнение следователем и судом своих профессиональных обязанностей, конечно, занимает определенное количество времени, но это количество времени выливается в месяцы нахождения пациента в медицинских организациях, которые (на данный момент восемь таких организаций) охраняются вооруженной охраной ФСИН. И сейчас максимальное скопление таких проблем мы отмечаем в городе Санкт-Петербурге. Поэтому здесь убедительная просьба к МВД все-таки рассмотреть правильность назначения (инициатива идет именно от следователей) с точки зрения применения данной статьи Уголовно-процессуального кодекса.

Обрушившийся вал судебно-экспертных исследований в 2014 году связан с принятием закона по инициативе тогда еще ФСКН, нововведением в Уголовно-процессуальном кодексе – пунктом 3.2 статьи 196 – о том, что необходимо проведение судебно-психиатрической экспертизы, если есть основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый болен наркоманией, – соответственно, есть у него наркомания или нет. К сожалению, сейчас не учитывается тот момент, что это было сделано специально, под конкретные две статьи Уголовного кодекса. Но вот этот вал назначений судебно-психиатрических экспертиз, не связанных со статьями, приводит к тому, что у нас вхолостую работает система (а это примерно 10,5 тысячи людей) и затраты – примерно 250 млн рублей. Поэтому мы неоднократно обращались и в Генеральную прокуратуру, проводили анализ, и в Минюст мы писали о том, что

эту проблему необходимо решить и не нужно вхолостую использовать и эксплуатировать систему судебно-психиатрических экспертных учреждений.

Самый болезненный вопрос для наших коллег из судебно-следственных органов — это оплата назначенных судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз в другом субъекте. Двоякая позиция. Мы обязаны это делать, тем не менее контрольно-ревизионные органы регионов считают, что это неэффективное использование средств, и применяют к руководителям наших медицинских организаций соответствующие санкции. Поэтому мы считаем, что это необходимо максимально быстро урегулировать, воспользоваться тем, что Минюстом подготовлен законопроект, и прописать там конкретную, отдельную норму.

И самая главная проблема, как мы уже слышали, всех экспертных учреждений — это недостаточное финансирование. Коллеги, мы сейчас решаем этот вопрос в рамках исполнения поручения председателя правительства. До июля мы должны представить с финансовым обоснованием соответствующее материально-техническое укрепление наших учреждений. Но, если мы с вами пойдем единым фронтом, я думаю, у нас получится гораздо больше. Спасибо большое. Готова ответить на вопросы.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Оксана Игоревна, спасибо. Очень содержательное выступление, хорошие предложения. Их нет сейчас в рекомендациях, но мы включим в проект и ту информацию, которую Вы дали по вашим экспертизам и экспертным учреждениям, и вот эти предложения. Может быть, Вы дадите их в письменном виде?

О.И. ГУСЕВА

Да, конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мы их записали. Но нужно было бы еще раз уточнить по охране, чтобы было понятно. Несмотря на то что уже есть некоторая договоренность, лучше вписать. Потому что мы таким образом усиливаем поддержку.

А по поправкам в статьи 435 и 196 – тоже. Просто надо понять, в чем у вас не работает... Хорошо?

О.И. ГУСЕВА

Конечно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Потому что, конечно, без вас... Я как раз еще в связи с тем, что у нас готов пакет, связанный с защитой детей от преступлений сексуального характера... И там тоже речь идет об экспертизе лиц вменяемых, но страдающих расстройствами социального предпочтения (кстати, коллеги из института имени Сербского предлагали). И Вы сейчас заставили задуматься о том, как это корректно сделать, чтобы не попасть в такую ситуацию, где это становится просто неподъемным по деньгам.

И по оплате труда экспертов в других субъектах – я думаю, это общая норма, и это для всех будет иметь значение. И, действительно, надо сделать так, чтобы, если большая загруженность в одном экспертном учреждении, можно было даже с этой точки зрения передать в другое. Я думаю, что это надо посмотреть и не потерять в этом законопроекте. Мы обязательно это запишем применительно к данному законопроекту.

О.И. ГУСЕВА

Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Но если вы дадите предложения – будет проще.

О.И. ГУСЕВА

Да, обязательно. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Аверьяновой Татьяне Витальевне, профессору кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, члену Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, профессору, доктору юридических наук, заслуженному деятелю науки и почетному работнику МВД, генерал-майору полиции. Очень приятно.

После Татьяны Витальевны выступать будет Россинская Елена Рафаиловна.

Пожалуйста, Татьяна Витальевна.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Уважаемые коллеги, я приветствую всех присутствующих! Очень рада видеть многих, кого давно не видела. И спасибо за приглашение принять участие на таком солидном мероприятии – парламентских слушаниях.

Да, судебная экспертиза – вопрос наболевший. Проблем достаточно много. И, конечно, основные проблемы, которые здесь уже прозвучали, – это проблемы правового характера, методического характера и проблема обучения экспертов.

Мы переговорили с Еленой Рафаиловной до парламентских слушаний и определились, что я не буду затрагивать проблему, касающуюся подготовки экспертных кадров и обучения, Елена Рафаиловна ее осветит, чтобы нам не повторяться, хотя у нас, в общем-то, позиции в этом вопросе совпадают. А вот что касается

правового обеспечения (по-моему, сегодняшние парламентские слушания были посвящены именно этому вопросу, нашему законопроекту), это наболевший вопрос, шесть лет мы ждем, когда же этот проект закона станет полноправным, полноценным законом, с тем чтобы, собственно говоря, мы могли спокойно и хорошо работать благодаря хорошо подготовленному закону.

Я бы сказала так: здесь мы обсуждаем... основные нестыковки у нас идут по вопросу — государственные эксперты и негосударственные эксперты. Мне вообще в принципе не нравится этот термин — "негосударственные эксперты", они как будто бы не в нашем государстве. Но даже в постановлении Пленума Верховного Суда № 28, в общем-то, дано определение негосударственных экспертов, поэтому, вы уж позвольте, я тоже буду использовать этот термин.

Е.Б. МИЗУЛИНА

"Частные" еще хуже звучит, кстати, поэтому пусть лучше будет...

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

А можно сказать: ведомственные и вневедомственные.

Е.Б. МИЗУЛИНА

У нас нет термина "ведомственный", он нигде не определен.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Но надо подумать. Как-то негосударственные эксперты... Они что, не в нашем государстве?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, они, конечно, в государстве признаются, тем более в государственном реестре экспертов — эксперт Российской Федерации, но негосударственный.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Ну, ладно. Будем пока употреблять этот термин.

Е.Б. МИЗУЛИНА

В данном случае как отделить? Можно придумать, решить...

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Надо подумать, наверное, все-таки.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Надо подумать, да.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Надо подумать над этим вопросом.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ведь термин "судебный эксперт" здесь используется, и реестр судебных экспертов.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Да.

Все мы прекрасно знаем (и статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации говорят об этом) о том, что очень много назначается сейчас судами экспертиз, причем достаточно большое количество, больше, чем по гражданским и арбитражным делам, негосударственным судебным экспертам. Здесь уже прозвучало, что, в общем-то, после них приходится достаточно часто проводить повторные экспертизы. Это трата времени и сил, некому не нужная, будем говорить так.

Понятно, что процессуальные кодексы не делают различия между государственными и негосударственными экспертами. Все нормы закона, которые у нас прописаны в Уголовно-процессуальном, Гражданском процессуальном, Арбитражном процессуальном кодексах, не делают различия между государственными, негосударственными экспертами и вообще в принципе теми сведущими лицами, обладающими специальными знаниями,

которым может быть поручено производство экспертизы. Ну и потребность в судебной экспертизе — это, конечно, потребность в подготовке новых кадров.

Но опять же я не буду достаточно подробно на этом останавливаться, хочу лишь сказать, что должны быть в правовом аспекте... Я, к сожалению, не видела последний вариант проекта закона о судебно-экспертной деятельности. Мне представляется, что все принципы и правовое регулирование судебно-экспертной деятельности должны быть признаны обязательными и распространены на все формы судебно-экспертной деятельности, осуществляемой как в государственных экспертных учреждениях, так и в негосударственных, а также иными экспертами, производящими экспертизы.

И это, на мой взгляд, может быть реализовано в рамках разработанного законопроекта о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации при объединении негосударственных экспертов в партнерство, осуществляющее свою деятельность на основе принципов саморегулирования, что позволит, в общем-то, организовать государственный контроль за их профессиональной деятельностью. И примером аналогичных объединений может стать сообщество адвокатов. У нас уже такой пример есть.

Основная задача закона — привести к единому правовому знаменателю деятельность не только отдельных ведомств, имеющих свои экспертные подразделения, где экспертиза урегулирована различными инструкциями, приказами, но и негосударственных экспертных учреждений. И здесь важным элементом, конечно, является (и снова с этой трибуны это прозвучало, почти в каждом выступлении прозвучало) подтверждение компетентности и профессиональной квалификации специалистов.

Предлагала Светлана Аркадьевна (вот я записала)... Компетентность негосударственных экспертов не регламентирована в новом проекте закона, правильно я поняла? Или регламентирована, наоборот? Регламентирована. Значит...

С МЕСТА

(Микрофон отключен.) На сегодня не регламентирована.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

На сегодня не регламентирована, да. Так вот, мне представляется, что можно взять... Действительно, у нас очень щепетильное, я бы сказала, положение с негосударственными экспертными учреждениями. Хотя мы с Еленой Рафаиловной являемся... Елена Рафаиловна является президентом, я – вице-президент палаты судебных экспертов, которая уже 10 лет успешно, на мой взгляд, работает и выдает эти сертификаты. Там разработано буквально все. Там есть реестры, там есть процедура, предусматривающая как лишать сертификатов. Если человек не подтверждает через три года свой сертификат, он выбывает из этого реестра. Это не единственная организация, я знаю и много других организаций. Может быть, взять их опыт, рассмотреть? И этот опыт можно будет положить в основу работы негосударственных экспертных учреждений.

На сегодняшний день получение сертификата судебного эксперта или сертификата судебно-экспертной организации возможно только на условиях добровольной сертификации экспертов, каждая из которых имеет свои правила и требования к соискателям. Они различаются в основном по требованиям к стажу работы, образованию, уровню знаний.

Положительный опыт (я уже пример привела) – это палата судебных экспертов, которая и реестры ведет судебных экспертов, и

регистрацию судебно-экспертных лабораторий (тоже реестры ведутся). Уделяется внимание контролю за деятельностью сертифицированных судебных экспертов, ведется постоянный контроль и за лабораториями, осуществляется методическое, информационное обеспечение членов палаты судебных экспертов и так далее.

Но хочу вернуться еще к одному из правовых вопросов, касающихся судебно-экспертной деятельности. Опять же повторю: я не знаю наверняка, осталась ли эта статья в нашем проекте закона о государственной судебно-экспертной деятельности — о предупреждении эксперта за дачу заведомо ложного заключения. Начнем с того, что она уже противоречит части второй статьи 199 Уголовно-процессуального кодекса, в которой говорится, что руководитель экспертного учреждения предупреждает эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения. Уж если мы решили создать единый закон и единые нормы для всех экспертов, мне представляется, что вообще в принципе такая статья должна касаться только тех сведущих лиц, которые не имеют никакого отношения к экспертным учреждениям — государственным или негосударственным. То есть это частные лица, которым поручают сведущие лица, обладающие специальными знаниями, которым поручается производство той или иной экспертизы. Вот их должны предупреждать за дачу заведомо ложного заключения.

Мы уже неоднократно с этим вопросом обращались и в комитет Госдумы, и к законодателям, которые разрабатывали тот же самый Уголовно-процессуальный кодекс, обращали на это внимание.

У нас не предупреждаются ни следователи, ни судьи за вынесение неправомерного судебного решения, никто не предупреждается.

Я отдаю себе отчет в том, что, конечно, эксперты используют различные научно-технические средства и различные методики (научно обоснованные, естественно, методики), которые достаточно сложно оценить и проверить. И, наверно, поэтому их и предупреждают, решили предупредить за дачу заведомо ложного заключения. Но мы же с вами тоже не знаем, как формируется внутреннее убеждение судьи, который выносит правомерное или неправомерное решение. И практика знает много случаев, когда выносились неправомерные решения не потому, что судья специально выносил эти решения, а вот так сложилось его внутреннее убеждение, которое привело к печальным последствиям. Но тем не менее вопрос о предупреждении судьи за вынесение неправомерного решения никогда не вставал перед законодателем. Вот надо подумать относительно этой статьи.

Теперь по поводу методического обеспечения. Я хочу сказать, что методическая разработка – да, это хорошо, разрабатываются методики. Здесь опять же прозвучало в выступлении, по-моему, Дениса Васильевича о том, что методическое обеспечение должно быть тоже сертифицировано и так далее. Уважаемые коллеги, у нас негосударственные судебные эксперты не могут получить иной раз те или иные методики. Вот должен быть единый реестр (здесь опять же это прозвучало) методического обеспечения тех самых методик. Кстати, такой реестр уже начали вести, и ведется он, правда, с большими перерывами, я бы так сказала, в системе МВД, в Экспертно-криминалистическом центре МВД. И ряд сертифицированных методик обозначен в этом реестре. Опять же

можно взять это за основу, с тем чтобы в дальнейшем, как говорится, разработать соответствующий реестр.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Татьяна Витальевна, время, к сожалению. Заканчивайте, пожалуйста.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Но я хочу сказать еще по поводу оплаты. Может быть, имеет смысл в правовом аспекте... Опять же у нас получилось так, что, выступая, Денис Васильевич сказал о том, что можно либо обратиться в Верховный Суд за разъяснением, либо внести какие-то изменения по оплате экспертиз в Гражданский кодекс. А может быть, нам стоит подумать и внести соответствующую статью об оплате в наш проект закона? Может быть, это будет правильнее? Я не знаю, надо как-то нам подумать над этим вопросом, потому что действительно, особенно по гражданским делам, вопрос с оплатой практически не решается.

Я благодарю всех за внимание. Извините, хотела сказать многое, но времени мало, желающих выступить много. Спасибо всем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Татьяна Витальевна, спасибо. И предложения, которые у Вас есть, пожалуйста, подготовьте в письменном виде.

Т.В. АВЕРЬЯНОВА

Хорошо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Но в процессуальный закон... Они все-таки для судей... Очень важно, чтобы там это было, именно там. Спасибо.

(Оживление в зале.)

Россинская Елена Рафаиловна, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз университета

имени Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Пожалуйста, Елена Рафаиловна.

Подготовиться Аминеву Фариту Гизаровичу.

Е.Р. РОССИНСКАЯ

Спасибо большое, Елена Борисовна.

Я хотела бы очень кратко остановиться на трех тезисах, которые относятся непосредственно к закону. Будучи, с одной стороны, председателем ассоциации экспертных вузов, а с другой стороны – президентом палаты, о чем сказала Татьяна Витальевна, я хотела бы сказать о двух позициях.

Первое – это обучение экспертов. Как правильно сказала Татьяна Витальевна, мы не видели окончательной редакции закона, но в проекте это уже было. Необходимо учесть, что уже очень много лет, экспертов-криминалистов – с 1974 года, а остальных экспертов по пяти самым распространенным экспертным специальностям – криминалистические, экономические экспертизы, речеведческие (это лингвистическая, фоноскопическая, автороведческая экспертизы), затем – веществ, материалов и изделий, инженерно-технические, в том числе компьютерно-технические, экспертизы (по-моему, все пять назвала, может, что-то забыла) – готовят вузы по пятилетней форме обучения. Мы уже сменили... сейчас у нас стандарт 3+ работает. И я была только что, 15-го числа, на заседании ФУМО по юридическому образованию, где рассматривался стандарт 3++, уже следующего поколения, где рассмотрена основа нашего обучения.

Эксперт – это "кентавр", это специалист в области (тот, кого мы учим)... С одной стороны, это юрист, поскольку это по направлению "юриспруденция". С другой стороны, это специалист в

каких-то областях экспертных. Не по всем видам экспертиз мы учим, а только по тем, по которым есть методическое обеспечение (не так легко было выбрать), и в основном оно согласовано и в наших вузах, и в других вузах либо с разработками МВД (это вузы МВД), либо с разработками Минюста (это наш университет).

Я вам перечислю только некоторые вузы, которые готовят экспертов, хотя их уже более 30, и наша ассоциация сертифицировала пока только 16 (добровольная сертификация). Некоторые недоучились, а некоторые не заслуживают пока. Но это серьезные государственные вузы, и университеты. Это университет правосудия, это саратовская академия права, это нижегородский университет, это волгоградский университет, это саратовский университет имени Чернышевского. Я могу долго еще перечислять. Есть довольно много государственных вузов, которые успешно... Я уж не говорю о вузах МЧС, которые готовят, как нам сегодня сказали, и мы это знаем, пожарно-технических экспертов весьма успешно.

Я предлагаю в законе это учесть. Потому что (и здесь есть потребители наших услуг, в том числе таможенные лаборатории и другие, Минюст) когда эксперты – наши выпускники приходят на работу, они уже могут работать, их не надо переучивать, как других специалистов, с другим высшим образованием. Поэтому заставлять их проходить переподготовку, то есть получать дополнительное образование, нет необходимости. Они сдают серьезные экзамены и по каждому роду экспертиз делают 10 контрольных экспертиз, которые они могут предъявить.

Поэтому я предлагаю в законе разделять – высшее образование по специальности "судебная экспертиза" либо высшее образование и дополнительное образование. Это не исключает

повышения квалификации, это уже совсем другое. Повышение квалификации — конечно. Но у нас доходит до смешного. Наши выпускники — эксперты-экономисты приходят в московскую лабораторию, и их там начинают учить судебно-бухгалтерской экспертизе люди, в общем, такие же, как они. Потому что у нас этому учат профессора, доктора наук, известные ученые. То же самое в университете правосудия, тоже готовят экспертов — экономистов и криминалистов. Мне кажется, что в законе все-таки это надо предусмотреть. Иначе, когда написано: высшее образование и дополнительное... Сейчас уже начали и негосударственные... Это первое.

Второе. То, что мы готовим экспертов в рамках высшего образования... Только в нашем университете 100 человек — набор. В этом году заканчивают обучение 75 экспертов. Мы работаем уже 15 лет, мы довольно много выпустили экспертов, и большинство из них идет в негосударственные экспертные учреждения. Хотя это все равно капля в море. Это капля в море. Мы начали выпускать с 2010 года. Первый набор был в 2005 году. Ну, вы понимаете, что даже каждый год по 70 человек (или университет правосудия...) — все равно мало.

Поэтому мне представляется (второй тезис), что, когда наши эксперты идут в негосударственные учреждения, это очень хорошо, потому что они повышают уровень негосударственной экспертизы, конечно. Но вот организовывать экспертную деятельность... Пока не очень понятен механизм, как это будет сделано. Татьяна Витальевна сказала: по аналогии с профессиональными сообществами адвокатов. Мы предлагаем (и она упомянула палату) то, что сделал Казахстан. Казахстан ввел в закон... У них одна палата. Но Казахстан — небольшая страна, в России нельзя одну палату...

Позавчера у нас состоялось общее собрание нашей палаты, съехались делегаты от всех... Очень много, уже около 1 тысячи, негосударственных экспертных учреждений сейчас объединяет палата имени Юрия Георгиевича Корухова, где Татьяна Витальевна – вице-президент, а я – президент. И мы обсудили этот вопрос. И многие, в основном руководители экспертных учреждений, приехали, которых мы сертифицируем, реестр ведем, выдаем им, их сотрудникам свидетельства на право... Многие говорят: почему бы не сделать нам федеральную палату и палаты по федеральным округам? Не по регионам, а по федеральным округам, потому что Россия слишком большая, и, если мы сделаем в каждом регионе, это опять будет раздробленность.

У нас есть такой пример (если Фарит Гизарович Аминев будет выступать...) – уральская палата, которая была организована в Башкортостане, очень успешно работает и входит как один из членов в нашу палату имени Корухова.

Мне кажется, этот опыт был бы очень хорош. И тогда реально мы могли бы проводить эту сертификацию. Каким образом? По палатам, с привлечением в комиссии государственных экспертов, представителей вузов, которые есть в этих регионах. Скажем, уральский университет – там тоже есть эксперты, ну и так далее, уже очень во многих вузах лицензирована специальность "судебная экспертиза". И опять-таки использовать те материалы, которые предоставляют экспертные учреждения. Это первое.

И второе, на чем я хотела бы остановиться (об этом сегодня уже сказали). У нас сейчас совершенно дикий рынок экспертных учреждений, я по-другому не могу сказать. Причем появились такие организации, которые сами не делают, а только пишут рецензии (вот такой вид бизнеса), и они же учат. Потому что получить лицензию

на дополнительное образование ничего не стоит, очень легко, и они выдают сертификаты, они учат. Они не знают ни о техническом комитете, куда входят, кстати, представители нашей палаты и представители вузов, они не входят никуда, но они выдают филькины грамоты.

Я, как действующий эксперт, постоянно выступаю в суде и постоянно встречаюсь с такими псевдорецензентами. Когда пишет человек, который делает экспертизы, — ну, ладно, пусть он плохо делает, но когда — человек, который вообще не делает, а только пишет, — вы меня извините, это уже край. Поэтому необходимо навести порядок в системе дополнительного образования. И я поэтому и предлагаю инструмент палат как инструмент получения дополнительного образования для негосударственных экспертов, потому что вузовское образование очень нескоро... Я не знаю, доживу ли я, как застрельщица этого образования, потому что я, в конце концов, это все затеяла в свое время, в 1996 году. Наверное, я не доживу, когда уже все будут только с высшим образованием. Криминалисты уже дожили до этого — у нас нельзя взять эксперта-криминалиста, который не окончил вуз МВД. Очень редко бывает, что это другие какие-то люди, но другие-то профессии... пока нет.

И в связи с этим... Еще две минуты.

Мы не можем регулировать дополнительное образование и то, какие компетенции они дают, но мы можем включать в реестр тех, кто получил это образование, скажем, на уровне палат. Для этого, я считаю, необходимо в состав комиссии (может быть, кого-то и включили, но я об этом не знаю) все-таки включить не только представителей государственных экспертных учреждений, но хотя бы одного представителя негосударственного экспертного сообщества и представителей вузов, которые готовят (много серьезных вузов, но

одного хотя бы) судебных экспертов, потому что компетенции мы берем у вас.

И последнее. Отсутствие доступа негосударственных экспертных учреждений к методикам ведь связан не только с тем, что это трудно, это еще связано с тем, что далеко не все экспертизы должны делать... Я как президент палаты это говорю: я против того, чтобы некоторые экспертизы делали негосударственные экспертные учреждения. Я бы ограничила круг этих экспертиз – убрала бы баллистические экспертизы, наркотиков (я так считаю), взрывотехнические (можно подумать, какие еще), потому что надо соблюдать условия хранения... ничего не соблюдается.

И, таким образом, можно будет тогда обеспечить доступ к методикам. Мы сейчас занимаемся цифровизацией экспертной деятельности в рамках гранта РФФИ (я получила грант), и мы там пытаемся прописать, какие базы данных – скажем, спектральных данных, данных по давности изготовления документов... Есть масса методик, которые уже цифровизированы. Почему они плохо делают? Да потому что у них нет доступа ни к базам данных, ни к методикам. Пока мы не напишем, какие... Это не проблема закона – это проблема той самой парламентской комиссии, которая должна эти вопросы решать, и проще всего, мне кажется, это решать именно таким способом, с помощью палат. Подумайте об этом.

Мне кажется, что пример Казахстана... Мы только что с профессором Зининым рецензировали... вернее, не рецензировали (рецензировал российский федеральный центр), а выступили одними из авторов, в качестве иностранных ученых, комментария к закону о судебно-экспертной деятельности в Казахстане. И мы там прописали... Об этой палате почитали, восхитились, но поняли, что для России это маловато. И можно тогда реестр... Он будет

добровольным. Но если судья получит... Сейчас ведь как судьи?.. Судьи спрашивают (я вчера мировым судьям лекцию читала): "Как эксперта подобрать?" Я говорю: "Посмотрите на сайте, он в палате есть? Тогда, может быть, и есть, а если нет – значит, нет". Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Елена Рафаиловна.

Я как раз сегодня улетаю в Казахстан, так что поинтересуюсь у коллег по поводу этого закона.

Предложения интересные. И, кстати, знаете, какое интересное предложение? Доступ к проведению каких экспертиз должен быть ограничен для негосударственных экспертов. Это очень хороший юридико-технический прием. Когда мы не можем дать исчерпывающий перечень, но в то же время понимаем, что должно быть какое-то различие, вводится ограничение на какие-то виды деятельности – в данном случае в рамках судебной экспертизы. Вы обосновали очень мотивированно, очень убедительно, почему они не могут быть проведены при нынешнем состоянии, во всяком случае, негосударственных судебно-экспертных учреждений. А если еще будет и федеральная программа (или в рамках продолжения судебной, или отдельная), которая позволит государственным судебно-экспертным учреждениям за счет бюджета приобретать какое-то дорогостоящее современное оборудование, которое будут иметь экспертные учреждения, то тем более. К сожалению, реальность такова, что экспертизы становятся все более сложными, требующими очень много и разных технических средств.

Спасибо большое. Будут предложения – давайте в письменном виде до конца следующей недели. Будем рады.

Аминев Фарит Гизарович.

Очень прошу: коротко. У меня самолет, я иначе опоздаю.

Подготовиться Сорокиной Веронике Альбертовне.

Ф.Г. АМИНЕВ

Спасибо, Елена Борисовна, за предложение, которое поступило, как представителю региона. Да, здесь от Москвы выступали – хорошо, но представителям других регионов тоже надо. Но и не только с этой точки зрения.

Я 31 год проработал в государственной экспертной службе, последние восемь лет – в негосударственной. С одной стороны, я доктор юридических наук, с другой – я простой эксперт Урало-Поволжского объединения судебных экспертов. Поэтому видение изнутри мне хотелось бы до вас довести.

Здесь было сказано, что 65 процентов судебных экспертиз, назначенных судами общей юрисдикции, проводится негосударственными судебно-экспертными организациями. Это сказано в отчете судебного департамента за 12 месяцев 2018 года. И, конечно же, вызывает вопрос деятельность негосударственных судебно-экспертных организаций – не регламентирована нигде, ни в законе, ни вообще в законодательстве. Это, конечно, обидно.

И в первую очередь такие предложения хотелось бы высказать.

Статью 1 этого проекта, конечно, надо дополнять. Дополнять надо основными понятиями – специальных знаний, судебно-экспертной деятельности, судебной экспертизы. Но и надо сказать, что есть негосударственные судебно-экспертные организации, если на то пошло, и государственные судебно-экспертные организации.

Пора упорядочить и законодательно урегулировать организационное и научно-методическое обеспечение деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций – как (об этом сказала Елена Рафаиловна) в Беларуси, в Республике Казахстан.

Действительно, вызывает недоумение тот факт, что 40 палат (и более даже сейчас) и федерация судебных экспертов занимаются такой деятельностью, как шабашники.

И заметим: конечно, нерентабельно создавать организацию по контролю за негосударственными судебно-экспертными организациями в государственных структурах. Это и нерентабельно, и методически неграмотно. Поэтому предлагается изменить статью 31 проекта закона, который был в первом чтении принят, и организационное и методическое обеспечение деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций возложить на федеральную некоммерческую самофинансируемую организацию – палату судебных экспертов Российской Федерации (надо ее сделать), прообраз которой, кстати, был создан в 2008 году усилиями и российского федерального центра, и главного центра судебно-медицинской экспертизы, – это союз "Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова", функционирующий сейчас.

Конечно же, надо внести главу (понятно, наряду с главой о государственных судебно-экспертных организациях) о негосударственных судебно-экспертных организациях, со статьями, регламентирующими деятельность палат судебных экспертов в Российской Федерации. Задача этой палаты – это и защита законных интересов, и методическое обеспечение, и организационное. Все должно делаться так, чтобы это помогло правосудию в целом, производству экспертиз и судопроизводству в целом.

На территории каждой области (я предлагаю) все равно, конечно, нам надо такую территориальную палату делать. У нас в Республике Башкортостан существует общественный совет, к которому подтянулась Республика Татарстан, у нас магнитогорцы

заседают, приезжают из Челябинской области, из Оренбургской области люди, но я бы предложил все-таки это оформить территориально.

Следует отойти от понимания проведения судебной экспертизы негосударственными судебно-экспертными организациями как оказания услуг. Суд, я считаю, – это не клиент парикмахерской, и производство судебной экспертизы – это не услуга, а деятельность в рамках судопроизводства в целях осуществления правосудия, поэтому здесь надо очень строго, очень осторожно подойти к этой терминологии.

Особую тревогу вызывает качество, конечно. То количество повторных экспертиз, о чем и Денис Васильевич говорил, – это, конечно, вершина айсберга, честно говоря. На самом деле проводится очень много повторных экспертиз нами самими, мы сами, негосударственные судебно-экспертные организации, проводим по негосударственным... И тысячами измеряется количество повторных экспертиз с противоположным выводом.

Конечно, в то же время нельзя говорить о том, как один коллега говорил, что очень дискредитируют, дескать, судебно-экспертные негосударственные организации в целом судебно-экспертную деятельность. Я назову фамилии – Николашин, Зинин, Подволоцкий, которые и государственным дадут много очков вперед, и научат их, как проводить экспертизу. Ничего, что негосударственные, делают хорошо, нормально. Большая часть, львиная доля негосударственных, да. По моим подсчетам, 70 процентов (минимум 70) негосударственных судебно-экспертных организаций я бы исключил вообще из этого перечня, не называл бы их экспертными, оставлять надо 30. Почему? Потому что я проводил опросы по всей Российской Федерации, в свое время готовил

докторскую диссертацию, и это есть, это правда. Поэтому, конечно же, предлагаем предъявлять к негосударственным судебно-экспертным организациям такие же требования, о которых сказала Светлана Аркадьевна. Стандартизировать надо независимо от ведомства. Не должен быть эксперт МВД, эксперт Минюста, эксперт ФСБ и эксперт негосударственный. Должен быть один судебный эксперт в России.

В законе нужна, конечно, статья "Единая вневедомственная высшая федеральная квалификационная комиссия судебных экспертов" (такое предложение тоже высказывали). Должен, конечно же, вестись один государственный реестр сертифицированных судебных экспертов в Российской Федерации.

И неприемлемо, конечно, предложение о лицензировании. Лицензируется вся деятельность, поэтому, скорее всего, и судебно-экспертные организации государством должны будут лицензироваться. Столько средств, я не знаю, найдем ли мы у государства? Поэтому нужны нормальная и обязательная сертификация компетентности судебных экспертов, аккредитация судебно-экспертных лабораторий, и это все будет являться гарантом и качества методического обеспечения, и качества оснащенности оборудованием, и качества проведения самих экспертиз. Главное здесь – контролировать и как организовать, все от этого зависит.

Знаете, что самое интересное? Если мы всего этого добьемся, такого качества за счет повышения профессиональной подготовки, за счет улучшения методического обеспечения, в конце концов, за счет того, что 70 процентов неквалифицированных и нечестных частных экспертов мы ликвидируем, знаете, что останется опасным? Производство недостаточно объективных заключений экспертов из-

за проблем, связанных с возмещением расходов, о которых говорилось сейчас.

У нас создается такая ситуация в регионах. Эксперт не должен, во-первых, искать возможность заработать и тем более не должен биться за заработанные денежные средства. А на практике это приводит к тому, что появляются коррупционные явления. Скажу честно: эксперт, организация, назвавшаяся экспертной, внезапно попадает в такую ситуацию с затягиванием оплаты. И вот тогда что делается? Делается так: фактически эксперт получает ту сумму, которая превышает обозначенную им для суда, – 15 тысяч обозначается, 150 тысяч – в карман. Эта ситуация, не обижайтесь, имеет место. У нас следователей Следственного комитета не хватит, чтобы расследовать такое количество дел.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Фарит Гизарович, время... Завершайте, пожалуйста.

Ф.Г. АМИНЕВ

Да, все.

Так вот, я считаю, надо обязательно обозначить финансовое обеспечение деятельности судебно-экспертных организаций, поставить это отдельным пунктом – что обязательно сразу после принятия судом судебной экспертизы актом выполненных работ производить оплату, не дожидаясь конца самого судебного расследования. Благодарю за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Предложения в письменном виде можете направить. Вы еще раз подчеркнули, что достоинство закона – единство экспертов, используется именно терминология "судебный эксперт". А вот уже где он работает – в государственном или негосударственном

учреждении – это вторичный вопрос. А так он судебный эксперт и включен в государственный реестр.

Сорокина Вероника Альбертовна, врач Кемеровской областной клинической психиатрической больницы – главный областной специалист, психиатр. Тема выступления – "Актуальные проблемы судебной психиатрии в Кузбассе". Очень большая просьба в пять минут уложиться.

Руденко подготовиться.

В.А. СОРОКИНА

Я не буду рассказывать о состоянии судебно-психиатрической экспертной службы Кемеровской области.

Спасибо, Елена Борисовна, спасибо всем парламентариям за возможность выступить и рассказать о проблемах, которые стоят перед судебно-психиатрическими экспертами области. Они практически перекликаются с теми проблемами, которые были освещены Оксаной Игоревной по судебно-психиатрической экспертной деятельности, потому что эти проблемы системные, и если они касаются всей Российской Федерации, то, естественно, касаются и одного субъекта Федерации.

Я хочу заострить внимание на одной (по моему мнению, основной) проблеме судебно-психиатрической экспертной деятельности – это отсутствие законодательных актов по охране "стражных" судебно-психиатрических экспертных отделений. На сегодняшний день судебно-психиатрическая экспертиза для лиц, содержащихся под стражей, в Кемеровской области не проводится в связи с тем, что эти отделения были закрыты, так как силовые структуры не нашли какого-то единого решения относительно того, кто будет обеспечивать охрану и безопасность как самих сотрудников этих отделений, так и граждан, которые проходят там

экспертизу и находятся под стражей. Эти отделения не входят в перечень мест содержания под стражей, поэтому и ФСИН, и УВД не занимаются этой работой.

Следующий вопрос касается порядка осуществления принудительных мер медицинского характера. Я понимаю, что это, может быть, и не относится напрямую к судебной-экспертной деятельности, это следствие тех судебно-психиатрических экспертиз, которые проводят врачи-психиатры и эксперты, но осуществление принудительных мер медицинского характера сейчас в законодательных актах тоже не регламентировано.

Наиболее серьезная проблема – это пребывание пациентов, которым назначены принудительные меры медицинского характера, в специализированных психиатрических медицинских организациях с интенсивным наблюдением. Не определены вопросы, кто должен транспортировать данных пациентов, финансирования и возможности помещения этих пациентов в ПБСТИН, если они не находятся под стражей, а пребывают в психиатрических больницах.

Я, конечно же, поддерживаю всех до меня выступавших ораторов, в частности Дениса Васильевича, который сказал о малых престижности и привлекательности работы эксперта в связи с тем, что не существует законодательно гарантированной государственной поддержки, и с низкой материально-технической базой государственных экспертных учреждений. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо большое. Вероника Альбертовна, Вы прекрасные предложения внесли в части того, как нам поправить закон № 103 о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых и, соответственно, спасти ситуацию в части прохождения судебно-

психиатрической экспертизы по аналогии с тем, как это сделано с детьми-сиротами.

Применительно к детям-сиротам любая организация – медицинская, образовательная, организация, оказывающая социальные услуги, в которой находится, пребывает ребенок, оставшийся без попечения родителей, приравнивается к организации для детей-сирот. Соответственно, и статус этой организации, и финансирование ее, и все прочее применительно к этому ребенку идет по этому типу.

Так и здесь. Фактически медицинская организация, в которой находится на судебно-психиатрическом освидетельствовании или экспертизе подозреваемое или обвиняемое лицо, в этой части приравнивается... Это в закон № 103 надо обязательно... Понятен механизм.

Спасибо. Включим в рекомендации.

Слово предоставляется Руденко Александру Викторовичу, заведующему кафедрой криминалистики... Ушел.

Тогда у нас последний из записавшихся – Смахтин Евгений Владимирович, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета, профессор, доктор юридических наук.

Вы завершаете у нас дискуссию. Пожалуйста.

Е.В. СМАХТИН

Спасибо, Елена Борисовна.

Уважаемые коллеги! Для меня большая честь вообще здесь присутствовать, а уж тем более завершать эти замечательные парламентские слушания. Я буду краток. Мое выступление будет касаться того, что, как мне представляется, если мы будем говорить о статусе эксперта в федеральном законе о судебно-экспертной

деятельности, то логично говорить и о, скажем так, более четком его определении в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

На сегодняшний день, поскольку я не услышал этого в выступлениях, я хотел бы просто тезисно сказать о том, что, на мой взгляд, статьи 57 и 195 Уголовно-процессуального кодекса, которые говорят о статусе эксперта и о порядке назначения экспертизы, также нуждаются в корректировке. И вот почему – потому что ни у следователя, ни у суда нет обязанности проверить, насколько эксперт соответствует квалификационным требованиям. Соответственно, если в законе, вновь принимаемом, будет определено, сертификат это будет либо лицензия, либо какие-то иные единые требования, что мне представляется очень важным, то будет совершенно логичным изменить и соответствующее уголовно-процессуальное законодательство.

Второй тезис, о котором мне тоже представляется важным и нужным сказать. Из сегодняшних выступлений я услышал, что эксперты очень часто участвуют в производстве процессуальных действий, в частности в ходе осмотра места происшествия. Данные МВД – это более миллиона случаев, данные Минздрава – это тоже очень серьезные цифры. Соответственно, возникает вопрос с точки зрения статьи 164 процессуального закона, а прежде всего, может быть, даже с точки зрения статьи 164¹, которая действует буквально с января 2019 года, где речь идет о том, что у нас в каждом случае изъятия электронных носителей информации должен быть привлечен специалист. Соответственно, возникает вопрос: а физически это возможно? Физически это невозможно. Соответственно, возникает вопрос: в рамках системных изменений, которые сегодня планируются с точки зрения статуса эксперта, нам

нужно определять его статус. Если он будет в качестве специалиста, допустим, и если это судебно-медицинский эксперт, который участвует в осмотре места происшествия, и возникает необходимость в том числе и в этой работе, то, соответственно, эти изменения должны носить системный характер.

И последний момент, который тоже мне представляется важным с точки зрения уголовно-процессуального законодательства, — это всем известный пункт 9 части 1 статьи 204, где речь идет о том, что эксперт в заключении должен указать те примененные методики, которые он использовал при производстве соответствующей экспертизы. Также нет единой точки зрения на практике, но очень часто мы видим заключения экспертов, где эксперт ссылается на книжки уважаемых ученых, которые он указывает в качестве методик, которые он применил. Конечно, такое положение дел нельзя признать удовлетворительным, поэтому мне представляется тоже важным определить все-таки, что мы понимаем под словом "методики", если этот закон будет приниматься. Но в то же время каждый эксперт понимает это по-своему.

В заключение хотелось бы сказать, что мы, безусловно, с точки зрения вузовской науки, поскольку я не являюсь участником подготовки экспертов, я лишь выражаю свое мнение с точки зрения уголовного судопроизводства, поддерживаем создание правительственной комиссии по координации этой деятельности. Безусловно, еще раз хочу сказать, что статус эксперта должен быть определен более предметно и корректно. И для меня лично нет никакой разницы, какой это будет эксперт — государственный либо негосударственный, должны быть единые требования, на мой взгляд, к нему и для всех прежде всего. Кстати, поскольку возник вопрос о негосударственных судебно-экспертных учреждениях и

государственных, что законодатель применяет, в статье 195 речь идет об иных экспертах, обладающих специальными познаниями. То есть я считаю, что в этой связи вполне употребим и этот термин.

И последнее. Может быть, все-таки, Елена Борисовна, подумать о более системных изменениях в уголовно-процессуальном законодательстве, потому что изменений в закон очень много и, к большому сожалению, уже сегодня очень тяжело на практике применять тот закон, который принимался при Вашем непосредственном участии много лет назад. Все-таки, мне кажется, назрела необходимость в более системных подходах именно к уголовно-процессуальной деятельности, поскольку основные экспертизы, которые проводятся, проводятся по уголовным делам. И проблем там очень много. Спасибо большое.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Только его за последние годы правил кто попало и как попало. В результате там вся система разрушена. Все было выстроено очень логично, там было много компромиссов. Мы полагали, что будет дальнейшее развитие этого законодательства в рамках заложенной концепции, но, к сожалению, произошло несколько другое.

Спасибо Вам. Я зафиксировала – пункт 2 статьи 164¹ УПК. А Вы как видите, как это можно было бы изложить, если не работает?.. Потому что специалист – действительно это процессуальный статус, четко определенный. А как тогда можно было бы это обеспечить? Предложите вариант. Спасибо за участие.

Я зафиксировала только то, что озвучено. У меня получилось 10 дополнений к рекомендациям на основании ваших выступлений. Еще раз обращаю внимание: до конца следующей недели вы можете направить в письменном виде поправки или предложения к этим

рекомендациям. Мы их реализуем в виде пунктов. И те, кто работал, готовил этот проект рекомендаций, готовил парламентские слушания, (коллеги знают, кто это), мы обязательно соберемся и отработаем рекомендации.

Совершенно очевидно, что будет расширен пункт, касающийся обращения к Государственной Думе применительно к закону о судебно-экспертной деятельности, потому что прозвучали конкретные предложения, касающиеся его содержания, – чтобы они были учтены. Мы обратим на это внимание, включим специально в рекомендации, обратим внимание наших коллег, чтобы они не прозевали. То, что прозвучало здесь, очень важно. Очень много содержательных, важных предложений и поправок. Мы все обязательно обсудим, и там, где договоренность... Потому что работают и в составе нашей рабочей группы, в рамках этих парламентских слушаний тоже межведомственные представительства. Важно, чтобы был вариант не ведомственный, а национальный, надведомственный или межведомственный, потому что здесь и ученые участвуют, а не только представители ведомств. Это самый лучший вариант, то, чего ждет Россия, – чтобы у нас любые законы были национальными, несли согласие и учитывали не только ведомственные интересы, но и интересы простых граждан, негосударственной сферы, потому что для них эти законы делаются. Но очень важно, чтобы и правоприменители могли их реализовать так, как замысливаются принимаемые законы, чтобы закон действительно снимал проблемы и нес согласие в общество, а не конфликт.

Уважаемые коллеги-юристы (здесь были прекрасные выступления ученых, и сама могу сказать, как доктор наук и профессор), очень хотелось бы написать другой Уголовно-

процессуальный кодекс, и многие другие законы, поверьте, я бы сделала иначе. Даже вот здесь (я сказала Денису Васильевичу) у меня очень большие требования к законам именно потому, что я являюсь одним из авторов правовой технологии. В частности, я отношусь к любому слову в законе... Это конструкция, это юридико-техническая конструкция. У нас то, что вносится в закон (любое слово, даже слово "содействует" в законе) и что для людей только слова, — это уже частичка, это деталь механизма реализации этого закона. Потому что любой закон — это технология. Пока мы его пишем, это вроде бы мертвая конструкция. Как только он начинает работать, включается правоприменитель или гражданин, который хочет воспользоваться правом, предоставляемым этим законом, — закон становится движущей силой, это уже технология. В этом смысле любой закон и статичен, и динамичен. А это означает, что любое слово (маленький кирпичик в доме, одно слово в законе) — это часть конструкции. Если оно неправильное, то конструкция рушится. А правильное — когда это не понятие, потому что понятие... Пожалуйста, уберите это, замените термином. Понятие — это философская категория. И любой юрист, любой ученый скажет, что то понятие совершенно, которое включает и охватывает все возможные смыслы и стороны явления, которое оно определяет. Для закона это не годится. В законе — только одно значение слова (одно), и это термин, потому что термин — это слово, которое имеет предел, заключающийся в одном значении этого слова. Поэтому терминология закона — это первейшее требование к его качеству. Если терминология "плывет", если она многозначна, если она неопределенна, правоприменитель будет применять так, как он понимает, а это рождает недоверие, потому что люди говорят: "Ну что же он применяет не так, как я вижу?". Ну, это естественно. Если

слово, на котором построена конструкция механизма закона, правовой технологии, многозначно, она строится на неопределенном, зыбком основании. Поэтому очень важно, какие термины.

И могу сказать, что как раз мне очень импонирует то, что даже в первом чтении текст законопроекта очень корректен. И здесь прозвучало еще очень много предложений, которые позволят достичь еще большей точности этого законопроекта. Опять же надо понимать...

И здесь хочу еще раз, Денис Васильевич, Вам сказать, что Вы правильно делаете, что идете на компромиссы в каких-то моментах с ведомствами, потому что в ведомствах — уже сложившиеся традиции во многих вещах, очень сложно их ломать.

Поэтому здесь существуют опять же юридико-технические способы, введение периода, когда вводятся какие-то новые нормы, чтобы можно было адаптировать. Либо там, где не надо ломать... Например, аттестация — если она сложилась и работает, то ее, конечно, можно и нужно оставить.

Но все-таки применительно к единому реестру судебных экспертов, мне кажется, это урон — если не будет единого реестра судебных экспертов. Если возникает вопрос и есть проблема у государственных судебно-экспертных учреждений, с тем чтобы обеспечить конфиденциальность каких-то судебных экспертов, надо подумать, где сделать эти изъятия, предусмотрев другое — что в этом случае статус именно государственного экспертного учреждения. Но отказываться от того, чтобы был единый реестр, в целом от самой очень правильной правовой основы, обеспечивающей единство судебных экспертов, вряд ли стоит.

Но в любом случае тоже прошу понимать и наших коллег — уважаемых ученых, что законопроект будет дальше

совершенствоваться. Сейчас, на этом этапе, в любом случае есть очень серьезное продвижение. И он, естественно, позволит объединить и разные точки зрения. И не случайно шесть лет не удавалось его даже довести до второго чтения – таков был разброс разногласий. И то, что сейчас удастся в этой, второй редакции, как согласованной редакции, провести, – это уже будет очень большое продвижение.

Хотя все-таки эти отступления должны иметь некоторые основания. Потому что я считаю, что когда мы несовершенный закон выпускаем за счет в том числе и компромиссов, то мы создаем узаконенный произвол – возможность толковать и применять закон так, каковы у меня уровень развития, интересы и так далее. А узаконенный произвол страшнее отсутствия закона. Потому что когда закона нет, то можно хотя бы пойти в суд и на равных что-то доказывать в рамках гражданского судопроизводства, спорить – ваши доказательства, наши доказательства, то есть есть хотя бы такой шанс. А когда произвол узаконен, есть у кого-то, у какой-то одной из сторон, какие-то преимущества в том, как он понимает ту или иную ситуацию, толкует и применяет, то спорить уже невозможно, потому что суд опять же принимает решение, руководствуясь законом. И если в законе заложена эта несправедливость, уже обойти ее практически невозможно.

Но надо постараться минимизировать такие ситуации, я думаю, это получится, потому что практически все, кто сегодня выступал, говорили о том, что этот закон очень нужен. Не было ни одного представителя ни одного из ведомств, негосударственных учреждений, ученых, кто бы сказал, что закон не нужен. Нужен современный закон именно о судебной-экспертной деятельности как такой единый правовой, объединяющий, очень серьезный стержень.

Поэтому мы надеемся, что в этом году он будет принят, вступит в силу и даст возможность развиваться сфере судебно-экспертной деятельности, как это происходило в рамках судебной реформы со многими другими институтами, на которых правосудие держится. И наконец-то дошла очередь и до судебно-экспертной деятельности.

И вы абсолютно правы — все, кто здесь ставил вопрос о необходимости финансирования и улучшения материально-технической базы. Обязательно! Тоже должен быть достойный уровень, современный уровень. Тогда у нас фактически и будет цельной вся система правосудия и все, что ее обеспечивает. То есть то, что качество правосудия будет в разы лучше, если будет соответствующая современная, привлекательная сфера судебно-экспертной деятельности, — это безусловно. Мне думается, даже невозможно возразить против такого рода аргументов.

Еще раз всех благодарю. Следите за сайтом Совета Федерации и нашего комитета. Мы разместим рекомендации, во все ведомства их направим.

Если кому-то из участников парламентских слушаний нужно — пожалуйста, можете подойти к Андрею Александровичу Терехову. Это замечательный специалист аппарата нашего комитета, очень хороший, кстати, юрист. Вы к нему подойдите, оставьте свой e-mail, и он вам вышлет персонально рекомендации после их утверждения. Спасибо всем.
